

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический
институт
Гражданского права
кафедра

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ Н.Ф. Качур
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 20__ г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 Юриспруденция
код – наименование направления

Категория «бестелесных вещей» в гражданском праве

тема

Руководитель

подпись, дата

доцент, к.ю.н.

должность, ученая степень

И.С. Богданова

инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

Д.А.Гусев

инициалы, фамилия

Красноярск 2022

Содержание

Введение.....	3
1. Категория «бестелесных вещей» в доктрине прошлого и современности	5
1.1 Развитие учения о бестелесных вещах: понятие и виды бестелесных вещей	5
2. Цифровые активы как новые «бестелесные вещи».....	25
2.1 Цифровые активы: общая характеристика. Подходы к классификации видов виртуального имущества.....	25
2.2 Особенности правового режима отдельных видов цифровых активов	36
3. Игровое виртуальное имущество	46
Заключение	58
Список источников	60

Введение

Актуальность проблемы исследования: XXI в. стал веком, в котором с каждым десятилетием роль информационных технологий, в частности, в сети «Интернет», увеличивается. Результаты научного прогресса не только привели к новым способам оформления классических правоотношений, позволили дать привычным объектам права новые формы закрепления в результате так называемой «токенизации», но и внедрили в гражданский оборот качественно новые объекты, правовое положение которых, несмотря на широкое распространение и существенную имущественную ценность, остается неопределенным.

Это породило дискуссии относительно понимания правовой природы «виртуального имущества», а для некоторых исследователей стало основанием для обсуждения с новой силой ранее существующей дискуссии о «бестелесных вещах» и отнесения к ним результатов цифровизации. В связи с чем стали появляться различные, а порой и диаметрально противоположные, теоретические подходы к пониманию данных объектов.

Исходя из этого необходимо рассмотреть доктринальные воззрения прошлого и современности на бестелесные вещи, а также попытаться определить сущность отношений, в рамках которых происходит использование «новых бестелесных вещей», выделить существенные признаки изучаемых объектов и сопоставить их с признаками объектов гражданских прав.

Цель исследования: определить правовой режим бестелесных вещей как объектов гражданских прав

Задачи исследования:

1. Проанализировать имеющиеся законодательные положения, касающиеся объектов, которые относят к бестелесным вещам, а в частности к группе «цифровых активов»;

2. Изучить имеющиеся теоретические конструкции о бестелесных вещах и цифровых активах;

3. Определить правовую природу изучаемых объектов;
4. Осуществить оценку необходимости и обоснованности квалификации изучаемых активов как объектов прав.

Предметом исследования являются нормы гражданского и административного права, а также некоторые существующие теоретические исследования правового режима бестелесных вещей.

Теоретическая основа работы представлена трудами К.П. Победоносцева, Д.Д. Grimm, Д.И. Мейер, Д.В. Федотова, В.В. Архипова, В.А. Белова, М.А. Рожковой, Л.В. Санниковой, Ю.С. Харитоновой и других.

Основные вопросы, рассматриваемые в работе:

В первой главе поднимаются вопросы, касаемые правовой природы, существенных признаков и понятия бестелесных вещей, а также необходимости выделения последних в качестве самостоятельной группы объектов права.

Вторая глава посвящена вопросам, связанным с сущностью цифровых активов, с их соотношением с категорией бестелесных вещей. Кроме того, в рамках данной главы рассматриваются: правовая природа, признаки и понятия цифровых активов, а также объекты, которые в науке относят к последним.

В третьей главе ставятся вопросы, которые задевают следующие проблемы: необходимость и пределы правового регулирования отношений, связанных с внутриигровым имуществом, отличие игрового имущества от иных цифровых активов.

Структура работы представлена введением, тремя главами, которые состоят из разделов, заключением и списком литературы.

1. Категория «бестелесных вещей» в доктрине прошлого и современности

1.1 Развитие учения о бестелесных вещах: понятие и виды бестелесных вещей

Категория «бестелесных вещей» берет свое начало из римского права. Так, римский юрист Гай во второй книге Институций приводил деление вещей на «телесные, физические» и «бестелесные, идеальные». «Физические вещи - это те, которые могут быть осязаемы, такие как: земля, раб, платье, золото, серебро и наконец бесчисленные другие вещи». В свою очередь под бестелесными понимались «те вещи, которые не могут быть осязаемы...те, которые заключаются в праве»¹. В качестве примеров *res incorporeales* сам автор Институций приводит право наследства, узуфрукт и обязательства.

Как мы видим, по существу Гай классифицирует не вещи, а нечто иное. Так, В.М. Хвостов указывал на то, что Гай, разделяя вещи на телесные и бестелесные, классифицируют не привычную нам правовую конструкцию «вещи» как определенного объекта субъективных прав, а сами права. В силу этого, согласно позиции автора, необходимо толковать данные положения Институций следующим образом: «Некоторые из субъективных гражданских прав дают субъекту полное господство над вещью», в этом случае речь идет о праве собственности, которое в силу данного абсолютного господства Гаем отождествляется с самим объектом господства т.е. с материальным предметом. «Другие же субъективные права или имеют объектом своим нечто нетелесное, или же дают субъекту неполное господство над телесной вещью» - это суть остальные права за исключением права собственности².

Путем анализа примеров, приводимых в Институциях, к подобному выводу приходят, и И.Б. Новицкий с И.С. Перетерским, говоря, что Гай под

¹ Гай. Институции/Пер. с латинского Ф. Дадынского /Под ред. В.А.Савельева, Л.Л. Кофанова. — М.: Юристъ, 1997. — С 87. - SBN 5-7357-0192-4

² Хвостов, В. М. Система римского права / В. М. Хвостов. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — С. 231 . — ISBN 978-5-534-10474-5

вещами «подразумевает не предметы внешнего мира, а именно права»³. Е.А. Суханов продолжает подобную традицию понимая «res». Так, профессор пишет, что в римском праве различие телесных и нетелесных вещей связывалось с противопоставлением права собственности, отождествленного со своим объектом, и всех других имущественных прав, в отношении которых такое отождествление невозможно⁴.

Согласно другой позиции, под «res» римские юристы понимали все имущественные блага, т.е. объекты прав. Обосновывая это тем, что *patrimonium* (термин для обозначения «имущества» как категории) состоит из *res corporales* и *res incorporales*. На основании соотнесения данных категорий как частей одного целого некоторые авторы делают вывод, что *patrimonium* тождественно *res*⁵. Так, К.П. Победоносцев писал, что в правовой системе древнего Рима было принято делить имущество на физическое и мыслимое. К первому были отнесены «наличные предметы внешней природы, способные состоять в частном обладании», ко второму же относились объекты, которые, «не имея свойств физического бытия, имеют действительность хозяйственную и утверждаются единственно на юридическом представлении, так что без этого представления их невозможно найти в природе». Кроме того, автор говорил, что для всех объектов, которые отнесены к *res incorporales* является характерным то, что они существуют как вещи «не сами по себе...а лишь, поскольку созданы волей человеческой, в качестве права, лицу принадлежащего»⁶.

В свою очередь Д.Д. Grimm разъяснял, что, наряду с термином «имущественное благо», можно употреблять термин «вещь в обширном

³ Римское частное право : учебник для бакалавров и магистров / Под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерский. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 248 с. — ISBN 978-5-9916-3710-7.

⁴ Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Суханов Е.А.. — Москва : Статут, 2017. — С. 432. — ISBN 978-5-8354-1320-1.

⁵ Федотов, Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федотов Дмитрий Витальевич ; Уральская государственная юридическая академия. — Екатеринбург, 2012. — С. 120.

⁶ Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. В 3 ч. Ч. 1 / К.П. Победоносцев - Москва: «Статут», 2002. — С.230 . - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

смысле» и тогда *res corporales* и *res incorporales* в совокупности можно было бы понимать, как «активное имущество т.е. как совокупность принадлежащих данному лицу вещей на праве собственности с одной стороны, прав на чужие вещи и действия третьих лиц - с другой»⁷. А.Н. Латыев, придерживаясь схожего мнения, пишет о том, что римское право чрезвычайно широко понимало категорию «вещей», и поэтому «*res*» является тождественным современной категории «объект права»⁸.

Некоторые авторы в принципе отмечали спорность такого деления вещей. Так, К.П. Победоносцев считал, что данный «пример римского законодательства едва ли заслуживал подражания, ибо римское деление само по себе не имеет юридической определительности и не практической потребностью вызвано»⁹.

Однако, думается, что не следует в полной мере соглашаться с данным мнением в силу следующего. Как известно, римская цивилистика не имела общего понятия вещи, а обрисовать общее представление римских юристов о вещах можно только «отталкиваясь от того перечня вещей, который содержится в римских источниках вместе с сопровождающей его классификацией»¹⁰. Но, несмотря на это, право древнего мира ставило проблематику вещей «во главу угла». Это объясняется тем, что вещи суть предметы материального мира, которые являлись наиболее важными средствами производства, и, как следствие, представляли наибольшую экономическую ценность. Из-за такой значимости, как отмечает О.С. Иоффе, в римском праве происходила фетишизация вещи. Поэтому в результате развития частных отношений и появления в обороте новых объектов римские юристы

⁷ Гримм, Д. Д. Лекции по догме римского права : учебник / Д. Д. Гримм ; под ред. В. А. Томсинова. - Москва : Издательство "Зерцало", 2015. - 496 с. - ISBN 978-5-94373-293-5.

⁸ Латыев, А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Латыев Александр Николаевич; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – 175 с.

⁹ Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. В 3 ч. Ч. 1 / К.П. Победоносцев - Москва: «Статут», 2002. – С. 231. - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

¹⁰ Иоффе, О.С. Основы римского гражданского права / О.С. Иоффе, В.А. Мусин. - Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1975. – С. 140 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

решили «подвести необычное под обыденное» т.е. применить к ним «незыблемую вещную концепцию», тем самым изобретя бестелесные вещи¹¹.

Ю.С. Гамбаров следующим образом характеризует значение *res incorporales*: «Это – не более, как фикция вещи... бестелесная вещь была фиктивна, как объект права», однако автор добавляет следующее: «она фиктивна, как вещь, но существует, как отличный от вещи объект права»¹².

Д.В. Дождев акцентирует внимание на том, что значимой причиной выделения бестелесных вещей является возможность считать права «объектом обладания» т.е. это позволяло говорить о принадлежности прав лицу на той же парадигме, на которой собственнику принадлежит телесная вещь»¹³.

Необходимость признания прав вещами отмечается и А.Н. Латыевым. Автор справедливо указывает на то, что отнесение прав к вещам было «необходимо на определенном этапе развития юридической мысли», так как это позволило урегулировать оборот прав, применяя к ним разработанную концепцию оборота вещей¹⁴. Е.А. Суханов называет подобный прием «законом конструкционной экономии» который заключается в том, что появление какого-нибудь нового социально-правового явления всегда вызывает – «как инстинктивный первый порыв - желание субсуммировать это явление в одну из издавна устоявшихся, издавна известных юридических категорий». И только после того, как будет установлена невозможность распространить на новый объект признаки старого юристы приходят к пониманию необходимости разработки новой конструкции¹⁵.

¹¹ Иоффе, О.С. Основы римского гражданского права / О.С. Иоффе, В.А. Мусин. - Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1975. – С. 156 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

¹² Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю.С. Гамбаров - Москва, 1898. – С. 766 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

¹³ Дождев, Д. В. Римское частное право : учебник / Д.В. Дождев ; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. — С. 244. - ISBN 978-5-91768-506-9.

¹⁴ Латыев, А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Латыев Александр Николаевич; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – С. 43.

¹⁵ Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Суханов Е.А.. — Москва : Статут, 2017. — С. 211 — ISBN 978-5-8354-1320-1.

В дальнейшем с экономическим и социальным прогрессом в обществе стали складываться частные отношения по поводу ранее неизвестных римскому праву объектов, в том числе и не имеющих материальной формы. В связи с этим изменилось и понимание бестелесных вещей. Например, Ю.Е. Туктаров писал, что образовалось два понимания категории «*res incorporales*»: первоначальное (римское) и новое (европейское). В последнем случае под бестелесными вещами стали понимать «все объекты, не имеющие телесного бытия, но защищаемые объективным правом»¹⁶. Но следует отметить, что и «европейское» понимание изучаемой категории сохраняет присущую римскому праву «антитезу» между материальной вещью и всеми иными объектами, не допускающих применения к себе положений, действующих относительно собственности¹⁷. Так, к бестелесным вещам стали относить различного рода нематериальные экономические блага, а именно: результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, информацию и другие объекты.

Развитие бестелесных вещей путем анализа концепций немецкий юристов рассматривал и Д.Д. Гримм.

Так, автор отмечал со ссылкой на Heussler, что немецкому средневековому праву была известна категория *Rechtsamen*, которую можно характеризовать как бестелесные вещи. В частности, в составе данной категории различают «недвижимые и движимые бестелесные вещи». «К бестелесным недвижимостям причисляют *Rechtsamen*, которые связаны с властвованием над определенной территорией, а именно: право управления, право суда, разные регалии (таможенное, монетное право, право охоты и разработки руды), право патроната, разные монополии и сборы» и другие. К бестелесным движимостям относили право употребления различных знаков (домовых, дворовых марок и печатей)¹⁸.

¹⁶ Туктаров, Ю.Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) / Ю.Е. Туктаров // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2007. С. 113-142

¹⁷ Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю.С. Гамбаров - Москва, 1898. – С. 460 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

¹⁸ Гримм, Д. Д. К учению об объектах прав / Д.Д. Гримм // Вестник гражданского права. - 2007. - № 1. - С. 225.

Далее автор освещает позиции Гирке (Gierke), у которого под бестелесной вещью понимается «вырез, мысленно выделенный из годных для правового господства отношений мира внешних благ, обладающий самостоятельной ценностью и за которым объективное право признает значение самостоятельного блага»¹⁹. В качестве примеров приводятся: предметы всякого ограниченного права на телесную вещь, «предметы права на собственную личность, если их можно мыслить вне связи с лицом и если они представляют самостоятельную ценность, предметы обязательственных прав»²⁰.

В заключение Д.Д. Гримм приводит позицию Кроме (Crome), согласно которой к бестелесным относится все, кроме вещей, в частности «электричество, права, поскольку они служат предметом других прав, творения человеческого духа, совокупности вещей»²¹.

Одним из первых, кто сузил понимание бестелесных вещей был Р. Саватье, который относил к бестелесному: обязательственные требования, доли членов товариществ, акции, клиента и различные монополии, а именно: монополии, устанавливаемые для создателей произведений творческого труда, связанные с происхождением товара, связанные с определенной деятельностью²². Говоря современным языком в концепции Р. Саватье бестелесными являлись: интеллектуальная собственность, средства индивидуализации, корпоративные права и обязательственные права требования²³. Как мы видим, по существу автор исключил из перечня бестелесных вещей энергию, в том числе электричество, и совокупности вещей, но при этом оставил перечень весьма обширным и объединяющим различные правовые явления.

¹⁹ Гримм, Д. Д. К учению об объектах прав / Д.Д. Гримм // Вестник гражданского права. - 2007. - № 1. - С. 227.

²⁰ Гримм, Д. Д. К учению об объектах прав / Д.Д. Гримм // Вестник гражданского права. - 2007. - № 1. - С. 229.

²¹ Гримм, Д. Д. К учению об объектах прав / Д.Д. Гримм // Вестник гражданского права. - 2007. - № 1. - С. 233.

²² Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. / Р. Саватье - Москва: Прогресс, 1972. - С. 220- URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

²³ Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. / Р. Саватье - Москва: Прогресс, 1972. - С. 225 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

Однако весьма интересным является замечание автора о том, что в действительности есть объектом отношений. Так, Р. Саватье писал: «Реальные вещи выступают в юридической жизни только через посредство прав, которые осуществляются в отношении этих вещей... и говоря, что в состав имущества данного лица входит реальная вещь - значит сказать, что это лицо имеет право собственности на данную вещь»²⁴. В действительности, дополнял автор, «если лицо не имеет признанного права в отношении вещи, то оно не может ни отчуждать ее, ни использовать. Вещи превращаются в имущество благодаря тем правам, которые существуют в отношении их». В данном случае Р. Саватье выходит за рамки понимания вещи как материального объекта – предмета окружающего мира и приходит к пониманию вещи как абстрактной категории, смоделированной правом.

Существование бестелесных вещей допускал Д.И. Мейер. Ученый указывал на то, что деление вещей на телесные и отвлеченные (бестелесные) близко к принятому в его время делению имущества на наличное и долговое. В качестве отвлеченных вещей учёный-правовед признает чужие действия, подлежащие праву лица. Важным является то, что в призме воззрений Д.И. Мейер бестелесными вещами является именно действия, а не права на данные действия, т.е. автор приходит к проблеме конструкции «права на право», которая, по мнению цивилиста, является нелепой. Данный вывод строится на том, что если принять как факт то, что «имущество составляет объект права, то, значит, и право на вещь или право на чужое действие есть только объект другого права, – и получится право на право на вещь, право на право на чужое действие. В свою очередь, и это право на право на вещь или право на право на чужое действие также нужно признать отвлеченным имуществом, которое опять только есть объект права, и получится право на право на вещное право,

²⁴ Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. / Р. Саватье - Москва: Прогресс, 1972. – С. 240 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

право на право на обязательственное право. И таким образом можно продолжать исчисление прав до бесконечности»²⁵.

Но не все ученые прошлых столетий признавали существование «бестелесных вещей», в силу того, что развитие учения об объектах права, отсутствие единого понимания «бестелесных вещей» и отнесение к последним множества разных по своей природе объектов послужили основанием для критики изучаемой категории.

Так, Е.Н. Трубецкой выводил юридическое и материальное понятие вещи. Под вещью в юридическом смысле понимаются исключительно «предметы внешнего несвободного мира, уже существующие или ожидаемые в будущем, которые могут быть подчинены господству лица, признаваемого субъектом права». Наиболее существенным признаком вещи является возможность господства лица над ней, а способность такого господства обусловлена границами человеческих возможностей и природой самих вещей. Из-за данных границ Е.Н. Трубецкой не относил к вещам «небесные светила» и «предметы «которые нельзя точно отграничить, изолировать от других» в частности воду в океане, воздух, а также силы природы. Про бестелесные же вещи автор высказывался следующим образом: «вещи, не имеющие материального бытия» выходят за рамки данных границ, невозможно установить на них такого полного господства, а, следовательно, признать вещами в юридической смысле...».

Говоря же о бестелесных вещах многие исследователи, согласно Е.Н. Трубецкому, имеют ввиду или собственные действия правообладателя, или действия третьих лиц, которые являются самостоятельным объектом права с присущими им отличительными чертами: явно очерченными границами, выражением во внешних действиях (возможность выражения в определенных величинах», физическая выполнимость). В виду обособленности «действий»

²⁵ Мейер, Д.И Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. / Д.И Мейер - Москва: Статут, 1997. – С. 150. - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

как объектов прав, термин «бестелесная вещь» является «излишним, несостоятельным и подлежащим исключению из правоведения»²⁶.

Подобного мнения был и отечественный цивилист Ю.С. Гамбаров. В своих работах автор указывает на то, что сам термин «бестелесная вещь» представляет собой плеоназм, так как вещь по существу телесна, а вышеупомянутая категория в самом своем названии содержит внутреннее противоречие, в силу того, что бестелесность является противоположностью телестности. По сути ученый говорит о том, что использование бестелесности как признака объекта приводит к исключению одного из основополагающих признаков вещи как таковой, а поэтому для учения о вещах изучаемая категория не имеет никакого значения. Напротив, использование термина «бестелесная вещь» «ведет к метафизическим построениям, ничего не разрешающим и осуждаемым практикой жизни... а также лишает данное понятие «юридической определенности и ясности».

Ю.С. Гамбаров, рассматривая проблему вещей, освещает два значения термина «вещь»: широкое и узкое. В первом случае вещь тождественна объектам прав. Такое значение критикуется цивилистом в виду того, что подобное понимание вещи приводит к смешиванию различных объектов и необходимости исследования вопроса о смысле, который закон придает данному понятию в конкретном случае. Второе же – узкое понимание вещи является наиболее верным в понимании автора, так как в данном случае вещь наделяется совокупностью признаком, отличающих её от других объектов. К признакам вещи автор относит в первую очередь телесность (при этом цивилист указывает на наличие данного признака и у бесформенных веществ – вина, воды, масла, газы и т.д.), имущественная ценность, возможность юридического обладания, обороноспособность и самостоятельность²⁷.

²⁶ Трубецкой, Е.Н. Лекции по энциклопедии права / Е.Н. Трубецкой – Москва: Типография Императорского Московского Университета – 1909. – С. 125 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

²⁷ Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю.С. Гамбаров - Москва, 1898. – С. 455 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

Исключает самостоятельное значение бестелесных вещей и Д.Д. Гримм. Это объясняется авторским пониманием объектов прав как правовой конструкции, под которыми понимаются: «конкретные, реальные величины, которые могут оказывать известное воздействие на окружающее их и на которые может быть оказано воздействие». Данному понятию, согласно Д.Д. Гримм, удовлетворяют только лица и предметы внешнего мира. В силу этого объектами на равне с бестелесными вещами не являются действия, права, совокупности вещей и прав (имущественные массы). Относительно изучаемого нами явления автор высказывает следующую позицию: «Само это понятие до крайности расплывчатое», объединяющее в себе массу различного рода объектов (от творений человеческого духа до электричества). В виду этого автор приходит к выводу о том, что «никаких бестелесных вещей или благ в качестве самостоятельных объектов прав не существует, а все учения о бестелесных вещах составляют плод сплошного недоразумения»²⁸.

Итак, проследив динамику развития конструкции «бестелесной вещи», можно увидеть, что не было выработано не только какого-либо единого подхода к пониманию данного явления, но и не был разрешен вопрос о необходимости и практической значимости изучаемой конструкции. Помимо это, имеющиеся концепции, признающие существования последней, за редким исключением, были продолжением свойственной римскому праву традиции противопоставления материальных вещей всей совокупности иных объектов, относительно которых складывались отношения между людьми, а с прогрессом общества и вовлечением в среду правового регулирования все новых объектов, данная совокупность начала представлять собой массу разных по своим существенным признакам явлений.

²⁸ Гримм, Д. Д. Лекции по догме римского права : учебник / Д. Д. Гримм ; под ред. В. А. Томсинова. - Москва : Издательство "Зерцало", 2015. - 269 с. - ISBN 978-5-94373-293-5.

1.2 Современные подходы к пониманию категории «бестелесных вещей»

Современный этап развития права характеризуется как никогда обширным количеством объектов, вовлечённых в правовую область в качестве объектов гражданских прав. Понимая данный факт, Д.В. Федотов писал, что свойственное римским юристам и поддерживаемое некоторыми учеными прошлых столетий разграничения имуществ на телесное и бестелесное утрачивает актуальность, так как последняя группа имуществ стала крайне обширной. Исходя из этого автор приходит к мысли, что «единое учение о столь разнородных объектах гражданских прав не сможет учитывать объективно существующие различия в естественных свойствах имуществ, которые отражаются на их правовом регулировании и создают предпосылки для их разграничения, за место подобного деления на *res incorporates* и *res corporates* к настоящему моменту имеет смысл использовать трехчленное деление имуществ на вещи, имущественные права и иное имущество, не являющееся имущественными правами»²⁹.

Однако, Д.В. Федотов не отказывается от категории «бестелесной вещи», вместо этого ученый наполняет её новым смыслом (также автор говорит о синонимичности терминов «бестелесная вещь» и «бестелесное имущества», опираясь на еще римское понимание *res*). Целью выделения данной конструкции, по мнению автора, является «выделение определенной группы невещественных объектов гражданских прав, относящихся к имущественной группе, в отношении которых требуется использование правовых конструкций, схожих с вещно-правовыми»³⁰. Поэтому автор предлагает не только ввести

²⁹ Федотов, Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федотов Дмитрий Витальевич ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2012. – С. 67

³⁰ Федотов, Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федотов Дмитрий Витальевич ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2012. – С. 69

категорию «бестелесной вещи», но и признать некое абсолютное право на объекты, составляющие упомянутую ранее категорию.

Подобную идею ученый объясняет тем, что *res incorporates*, к которым он относит обязательственные права требования, корпоративные права, бездокументарные ценные бумаги и безналичные деньги, нуждаются в защите не только от нарушений со стороны контрагента, но и «от посягательств третьих лиц, не являющихся участниками обязательственного правоотношения, чьи действия могут привести к тому, что кредитор лишится своего права требования как составной части имущества». При такой логике получается трехзвенная структура связи между субъектом и благом, которая выглядит следующим образом: абсолютное право на бестелесное имущество - собственно бестелесное имущество - объект (какое-либо благо).

Подобные мнения высказывались и ранее, так еще В.К. Райхер говорил, что относительные правоотношения «не замыкаются в своем действии исключительно рамками взаимоотношений между его непосредственными участниками» напротив, если имеется прямая связь между сторонами обязательства, то должна существовать какая-то «посредственная, косвенная» связь управомоченного и иных лиц³¹.

Другой советский ученый-юрист М.М. Агарков писал о том, что «третье лицо может своими действиями вызвать прекращение обязательства, невозможность его осуществления или нарушение его должником» и поэтому необходим механизм защиты от требований кредитора от такого воздействия сторонних лиц. В отличие от абсолютных правоотношений, обязательственные не создают механизма защиты от действий «всякого и каждого». Если же вводит возможность защищаться от третьих лиц, то получается, что надо будет строго различать два разных правоотношения: первое это отношение между кредитором и должником, которое является относительным и отношение между

³¹ Райхер, В.К. Гражданско-правовые системы антагонистических формаций. / В.К. Райхер // Вестник гражданского права. - 2007. - № 4. - С. 150

кредитором и «всяким и каждым», которое уже является абсолютным по своей природе³².

Некоторые современники Д.В. Федотова также видят наличие абсолютной составляющей в относительных отношениях. Например, В.В. Байбак также писал о том, что кредитор участвует во «внутренних» и «внешних» правоотношениях. Под первыми понимаются отношения кредитора и должника, под вторыми - отношения кредитора со всеми третьими лицами, которые состоят в способности распоряжения правом требования (автор не признает правомочие распоряжения правом требования в структуре относительных правоотношений) и способности защищать интересы от посягательств лиц, не являющихся участниками обязательства. В силу того, что во внешних отношениях все лица кроме кредитора обязываются лишь к пассивному воздержанию от нарушения прав кредитора, автор указывает на наличие черт сходства прав кредитора из внешних отношений с группой субъективных гражданских прав абсолютного типа»³³.

Д.В. Мурзин же размышлял о том, что использование категории «бестелесная вещь» суть юридико-технический прием, позволяющий распространить на нематериальное имущество наиболее принципиальные положения права собственности³⁴.

Как мы видим, конструкция, предлагаемая авторами, подразумевает предоставление абсолютного права на право относительное, т.е. авторами предлагается конструкция «права на право». Однако само существование подобного правового элемента ставится под сомнения. Например, еще Г.Ф. Шершеневич писал, что «объектом права может быть только то, что реально, а не фиктивно, обладает способностью удовлетворять человеческие

³² Агарков, М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков: Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – С. 192. - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

³³ Байбак, В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Байбак Всеволод Владимирович; Санкт-Петербургский Государственный Университет. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 69.

³⁴ Мурзин, Д. В. Ценные бумаги - бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг / Д. В. Мурзин. - Москва : Статут, 1998. – С. 100 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

потребности». Автор также добавлял, что «признание права на право дало бы практически невозможные результаты, а теоретически повело бы к бесконечному ряду прав на право на право»³⁵.

В качестве контраргумента В.В. Байбак высказывает следующую мысль: «Цепочка «право на право на право на право» не может расти до бесконечности сама по себе – всякое новое ее звено будет присоединяться лишь при условии, что оно будет востребовано практикой, т.е. станет объектом права». При этом цивилист видит пределы умножения прав лишь до «право на право на требование» и то, даже выделение такого права ставиться им под сомнение³⁶.

На сегодняшний день схожей с позицией Г.Ф. Шершеневича является позиция В.А. Белова, который полагает, что выделение «прав на права» является «бессмысленной и непозволительной роскошью для права» в силу того, что подобная контракция приводит к «дурной бесконечности» прав на один и тот же объект, образуя так называемые "правоотношения-матрешки". Автор считает, что свойства всех «матрешек» предопределяются свойствами объекта первоначального правоотношения³⁷. В этой части В.А. Белова также можно назвать приемником позиции Д.И. Мейера³⁸, освещенной ранее, а также позиции Ю.С. Гамбарова. Последний утверждал, что, говоря о «правах на права», мы в итоге всегда приходим к праву на сам объект (к объекту самой «маленькой матрешки» выражаясь словами В.А. Белова)³⁹.

А.Н. Латыев занимает промежуточную позицию, настаивая на том, что данная категория уместна, но с определенными оговорками. Так, цивилист не признает в качестве возможной конструкцию абсолютного права на право

³⁵ Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Спарк, 1995. – С. 225 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

³⁶ Байбак, В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Байбак Всеволод Владимирович; Санкт-Петербургский Государственный Университет. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 69.

³⁷ Белов, В. А. Гражданское право в 4 т. Т. 2. / В. А. Белов. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — С. 450. — ISBN 978-5-534-08149-7.

³⁸ Мейер, Д.И Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. / Д.И Мейер - Москва: Статут, 1997. – С. 130. - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

³⁹ Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю.С Гамбаров - Москва, 1898. – С. 451 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

собственности, т.к. в данном случае данное право ничем не отличалось бы от самого права собственности. Также отторгается как ненужная конструкция «права собственности на право требования» (т.е. то самое абсолютное право о котором пишут Д.В. Федотов и иные ученые). Последний вывод автор основывает на том, что в подобных случаях по содержанию «статус «собственника» права требования ни на йоту не отличается от статуса кредитора по этому требованию». Исходя из этого, согласно взгляду А.Н. Латыева, «право на право» допустимо, «если только, что ни в левой, ни в правой части этой формулы не может фигурировать право собственности»⁴⁰.

Как мы видим, автор выступает против абсолютизации элементов относительных отношений, не признавая возможности такого нарушения со стороны третьих лиц, которое потребует отличных от обязательственных и деликатных механизмов защиты. Доказывает свою позицию публицист также посредством анализа возможных воздействий на отношения контрагентов со стороны третьих лиц. Так, следует согласиться что в общем виде данное нарушение может состоять «либо в препятствии должнику исполнить его обязанность, либо в препятствии кредитору принять исполнение». При этом препятствия кредитору принять исполнение могут заключаться либо в лишении физической способности совершить действия по принятию, либо в присвоении самого права требования. Препятствия должнику также возможно в форме лишения физической способности совершить действия, но уже по исполнению, либо в «неисправности» контрагента должника по другому обязательству.

Данные нарушения, как верно, на наш взгляд, подмечает автор, не влечет иных последствий чем те, которые предусмотрены институтами договорной и недоговорной обязательственной ответственности, т.к. считаться нарушившей обязательство будет сторона, для которой возникли препятствия со стороны третьих лиц, то есть, получается, что должник не приобретает притязаний к

⁴⁰ Латыев, А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Латыев Александр Николаевич; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – С.75

лицам, нарушающим права кредитора, а кредитор – к тем, кто мешает должнику, «максимум же, к чему могут привести такие нарушения – это к прекращению обязательства в связи с невозможностью его исполнения, и то только при условии, что такого рода вмешательство третьего лица обусловит освобождение сторон от ответственности за его нарушение»⁴¹.

В качестве дополнительного аргумента против конструкции права на право, помимо чрезмерного умножения отношений, указывают на ее половинчатость. В.А. Белов пишет, что, рассуждая о вопросе прав как объекте других субъективных прав, взгляды ученых «сводятся к вопросу об объектоспособности не всего явления в целом (правоотношения), а части единого явления» – прав требования, упуская при этом иную сторону отношений – обязанность должника. Относительно этого ученый задается следующим вопросом: «Неужели же при переводе долга происходит передача "права на долг" (права быть должным)?!». Давая ответ, сам профессор подмечает спорность выделение долга как объекта прав в виду того, что долг — это «единственная субстанция, приобретение которого является не благом, а бременем»⁴².

Однако, думается это не совсем верно, т.к. долг в действительности может являться объектом прав, но не прав должника, а кредитора. Ведь в действительности право требование есть ничто иное как право на долг другого лица перед кредитором, и уже для последнего долг является благом. Должник тоже может стать обладателем «права на свой долг», но только в том случае если он сам становится кредитором. Данные положения видятся аксиоматичными и не требующими дополнительных пояснений. Поэтому, на наш взгляд, подобная «однобокость» взглядов сторонников «права на право» не является ошибкой или упущением.

⁴¹ Латыев, А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Латыев Александр Николаевич; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – С.75.

⁴² Белов, В. А. Гражданское право в 4 т. Т. 2. / В. А. Белов. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — С.441 — ISBN 978-5-534-08149-7.

Однако вопрос, поставленный В.А. Беловым, подталкивает на поставку иного вопроса: если распоряжение требованием, по мнению ученых, допускающих абсолютное право на право требования, не входит в структуру прав требования, а является частью абсолютного права на это требования, то правомочием какого права, является возможность перевода долга? Как думается, если отвечать на поставленный вопрос через призму абсолютных прав на право требования, то мы придет к необходимости признания абсолютного права должника на его долг, которое будет заключаться, вероятнее всего, исключительно в возможности перевода этого долга. Но думается, такой ответ представлял бы собой искусственную контракцию, целями которой являлось бы оправдание теоретической позицию абсолютного права на право требования. В действительности же распоряжение и правом требования, и долгом, суть составная часть обязательственного правоотношения, представляющая собой закрепленное законом правомочие лиц – участников.

В связи с вышесказанным, напрашивается вывод о том, что выделение бестелесных вещей как категории, на которую существует непоименованное абсолютное право, не имеет ни практической, ни теоретической ценности.

Но тем не менее теория Д.В. Федотова заслуживает внимания в части выделения признаков бестелесных вещей. Согласно взгляду последнего бестелесным вещам свойственны общие признаки категории объектов права, к которым относятся дискретность, правовая привязка, системность. Выделяя данные признаки, автор воспроизводит теорию объектов В.А. Лапача, в соответствии с позицией которого дискретность суть «качественная, физическая и/или учетная определенность и обособленность от всех других объектов»⁴³. К данному признаку Д.В. Федотов добавляет лишь то, что у дискретности есть два аспекта: внешний – обособленность от иных видов

⁴³ Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Лапач Владимир Александрович. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 332

объектов и внедрений – обособленность от подобных объектов⁴⁴. Под юридической привязкой же понимается «правопригодность» конкретного блага. В данном признаке автор по сути говорит о наличии возможности правового господства над конкретным объектом, т.е. наличие правовых механизмов «связывания» объекта с носителями субъективных прав, которые создает «несвободность» предметов внешнего мира от лиц, признаваемых субъектами права. Системность же – последний признак объекта прав есть «интегрированность правовой идеи об объектах прав в систему основных категорий права и системное построение самой категории объектов»⁴⁵.

Помимо общих признаков объектов права выделяются и признаки, характерные для объектов, относимых к имуществу. По мнению Ю.Ф. Беспалова, признаками имущества являются: способность принадлежать определенному лицу; способность служить средством реализации имущественного интереса; возможность денежной оценки⁴⁶. Думается что уместно добавить к указанной системе признаков дополнительные признаки, выделенные В. А. Беловым, а именно: отнесение к результатам труда – любой объект должен быть подвержен человеческому воздействию; признание *ex lege* - отнесение того или иного объекта к имуществу может ставиться в зависимость от «отрицательного или положительного отражения в постановлениях закона»⁴⁷.

Ярким примером последнего признака являются цифровые права. Так, согласно ст. 141.1 ГК РФ под цифровыми правами понимаются лишь те

⁴⁴ Федотов, Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федотов Дмитрий Витальевич ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2012. – С. 130

⁴⁵ Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Лапач Владимир Александрович. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 334

⁴⁶ Беспалов, Ю. Ф. Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации : монография / Ю. Ф. Беспалов. – Москва : Проспект, 2019. – 448 с - ISBN 978-5-392-31015-9

⁴⁷ Белов, В. А. Гражданское право в 4 т. Т. 2. / В. А. Белов. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — С. 220. — ISBN 978-5-534-08149-7.

объекты, что «названы в таком качестве законом»⁴⁸ (разумным кажется замечание, что последний признак свойствен не только имуществу, но и объектам права как таковым).

Д.В. Федотов лаконично заменяет названные признаки имущества признаком товарности, указывая на то, что «товар обладает ценностью ввиду своей способности удовлетворять человеческие потребности, сопряженной с количественной ограниченностью, и эта ценность способствует деятельности субъектов права, которая может быть успешной, только если существует возможность господства над товаром»⁴⁹. Признак товарности выделялся как существенный и В.А. Лапачом. Автор утверждал, что «для права не столь важно, появляется ли соответствующий объект в результате материально-практической или же духовной деятельности человека, сколько то, в какой мере этому продукту присущи товарные характеристики, или же этот продукт вообще не имеет «товарной маски»». Именно поэтому в теории В.А. Лапача «товарность» также является базовой характеристикой объектов гражданских прав⁵⁰. Наконец автор приходит к частным признакам бестелесной вещи. К таковым, по мнению Д.В. Федотова относится только нематериальность, которая оказывает влияние на дискретность и возможность господства⁵¹.

Согласно иной позиции бестелесными являются все объекты права. Например, А.В. Саженов указывает на то, что «право - это область формального, а не фактического» и поэтому, строго говоря, все объекты суть нематериальны, т.к. представляют собой юридическую абстракцию. О вещах

⁴⁸ Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации в 4 ч. Ч 1 : Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ : редакция от 25.02.2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.02.2022)

⁴⁹ Федотов, Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федотов Дмитрий Витальевич ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2012. – С.111

⁵⁰ Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Лапач Владимир Александрович. – Ростов-на-Дону, 2002. – С.341

⁵¹ Федотов, Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федотов Дмитрий Витальевич ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2012. – С. 122

же, уточняет автор, как о предметах материального мира мы говорим лишь постольку поскольку правовые-формальные «границы таких вещей совпадают с их естественными материальными границами» и если «право называет некоторый объект вещью, то не потому, что эта вещь физически существует, а только потому, что она становится предметом прав и обязанностей». В качестве примера автор рассматривает земельный участок, указывая на то, что участок не имеет природных границ т.к. «земля цельная и не делится сама по себе на участки», но обладает границами формальными, отраженными в кадастре недвижимости⁵². Схожее мнение выражает и К.И. Скловский, говоря, что «участок - это вещь, созданная человеком, а не природой. Его судьба подчинена не природе, а человеку: человек, меняя границы, создает новые участки, уничтожает старые»⁵³.

В какой-то степени позиции авторов верны: правовые конструкции действительно суть абстракции, в том числе и конструкция «вещи». Поэтому можно говорить о вещах, как объектах окружающего мира, и вещах, как объектах права, при этом не всякая вещь – материальный объект, является вещью – объектом права. Но в тоже время признание всех объектов права «бестелесными вещами» имеет место лишь для понимания абстрактности правовых конструкций и не более.

Подводя итог вышесказанному можно сказать, что под бестелесными вещами понимаются объекты, обладающие экономической ценностью, способные удовлетворять потребности общества, а в связи с этим пригодные для гражданского оборота, не только обладающие нематериальностью, но и не нуждающиеся в закреплении в материальных носителях, что в свою очередь обуславливает особенности форм юридической привязки.

Но тем не менее, хотелось бы отметить, что на данный момент все ещё нет достаточно проработанной концепции бестелесных вещей, и, как нам

⁵² Саженов, А.В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве / А.В. Саженов // Закон. - 2018.- № 9. - С. 120.

⁵³ Скловский, К.И. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость / Скловский К.И., Костко В.С. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. - № 7. - С 115

кажется, в закреплении подобной категории нет необходимости, так как весьма верным усматривается замечание Д.В. Мурзина о том, что «от внесения в Гражданский кодекс фразы о делении вещей на телесные и бестелесные, действительно, не изменится ровным счетом ничего»⁵⁴. Но в тоже время неверно будет отрицать тот факт, что существуют такие объекты реальных отношений между людьми, которые не обладают признаком телесности и являются новыми для нашего общества. В данном случае мы говорим о так называемых цифровых активах или виртуальном имуществе, поэтому справедливой будем фраза А.В. Лисаченко о том, что сегодня древнеримские и средневековые «бестелесные вещи» явственно сменяются виртуальными⁵⁵. Именно подобные объекты станут предметом последующего изучения в данной работе.

2. Цифровые активы как новые «бестелесные вещи»

2.1 Цифровые активы: общая характеристика. Подходы к классификации видов виртуального имущества

На сегодняшний день технологии достигли такого уровня, что позволили перенести огромный массив складывающихся между людьми отношений в цифровой формат. Так, еще в 2000 году М. А. Федотов говорил, что Интернет имеет потенциал стать не просто средством коммуникации, но новой сферой человеческой активности и применения права⁵⁶.

Важным проявлением влияния Интернета и технологий, непосредственно с ним связанных, является не только перенесение уже существующих отношений в киберпространства, но и возникновение качественно новых объектов, по поводу которых люди вступают в отношения. Так, А.А. Карцхия пишет о том, что происходит образование нового класса объектов, «имеющих

⁵⁴ Мурзин, Д. В. Ценные бумаги - бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг / Д. В. Мурзин. - Москва : Статут, 1998. – С. 115 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

⁵⁵ Лисаченко, А.В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав / А.В. Лисаченко // Российский юридический журнал. - 2014. - № 2. - С. 104.

⁵⁶ Федотов, М.А. Доклад профессора / М.А. Федотов // Актуальные проблемы информационного права : материалы круглого стола / ИМПЭ. – Москва, 2000. - С. 17.

нематериальную природу, обладающих своим функционалом и претендующих на самостоятельный правовой режим регулирования в цифровых гражданских правоотношениях»⁵⁷.

Подобные объекты нередко именуют «виртуальным имуществом» или «цифровыми активами». Однако некоторыми авторами приводится разграничение цифровых активов и виртуального имущества. Так, М.А. Рожкова считает, что цифровой актив категория более широкая: если виртуальное имущество в понимании автора суть качественно новые объекты, порожденные формированием киберпространства, то цифровой актив включает в себя помимо виртуального имущества уже известные гражданскому праву объекты, созданные не «старым», традиционным способом, а при помощи современных технологий в «новой» – электронной – форме»⁵⁸.

Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна также указывают в своих работах на существование разного понимания содержания термина «цифровой актив». Сами авторы оперируют двумя значениями: «в наиболее общем понимании к цифровым активам могут быть отнесены любые объекты имущественного оборота, существующие в цифровой (электронной) форме» и уже имеющие особые правовые режимы (цифровой актив в широком смысле). В узком понимании цифровыми активами следует называть, по мнению ученых, содержательно новые экономические объекты, созданные с использованием цифровых технологий. Такое понимание цифровых активов, согласно позиции авторов, необходимо для «отграничения новых объектов имущественного оборота, требующих создания адекватного правового режима, от тех объектов гражданских прав, которые хотя и претерпели видоизменение в результате цифровизации, но не нуждаются в создании нового правового режима»⁵⁹.

⁵⁷ Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Карцхия Александр Амиранович; Российская Государственная Академия Интеллектуальной Собственности. – Москва, 2019. – С. 239.

⁵⁸ Рожкова, М.А. Виртуальное имущество и многопользовательская онлайн-игра – как различать возникающие по их поводу отношения? / М.А.Рожкова - Закон.ру : [сайт]. - 2020. - 6 декабря - URL: <https://zakon.ru>

⁵⁹ Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 153 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

К.А. Мефодьева вовсе использует термин «цифровые данные», выделяя в системе последних цифровые данные, фиксирующие реальные активы и не фиксирующие какие-либо объекты гражданских прав. Вторая группа данных включает в себя «нематериальные объекты идеальной природы» в том числе и объекты, относимые другими авторами к виртуальному имуществу⁶⁰.

Большинство же авторов, подобно Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой, указывают на синонимичность данных понятий и для целей исследования в данной работе мы будем также их отождествлять.

Как отмечается А. В. Лисаченко, цифровые активы уже «значительной частью людей воспринимаются как имеющие вполне реальную ценность и оборотоспособность», т. е. как существующие де-факто в качестве объектов гражданских правоотношений и гражданских прав и поэтому автор считает необходимым разработать правовые нормы для упорядочивания отношений между людьми относительно виртуального имущества⁶¹.

Для определения правового режима цифровых активов, учеными предпринимаются попытки выделения их существенных признаков. Так, в качестве отличительных признаков виртуального имущества в науке называют:

1) **Виртуальность**, под которой понимается существование объекта в цифровой форме, которая, помимо того, что обуславливает нематериальность, подразумевает, что объект, находящийся в подобном состоянии, может считываться только при использовании коммуникационного устройства. Существование "исключительно в электронной форме в отрыве от материального мира" и отсутствие необходимости в материализации в реальном мире для их функционирования, по мнению Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой, представляет собой главное отличие цифровых активов от

⁶⁰ Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мефодьева Кристина Александровна; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2019. – С. 98

⁶¹ Лисаченко, А.В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав / А.В. Лисаченко // Российский юридический журнал. - 2014. - № 2. - С. 104.

традиционных объектов, «которые могут существовать как в аналоговой форме, так и в цифровой (электронной)»⁶².

2) **Представление в качестве записи-кода** – это еще одно следствие высокой роли технологий в использовании виртуального имущества. «Виртуальное имущество создается с помощью кодирования с применением криптографии и могут быть воспроизведены только с помощью специальных технических устройств»⁶³. Так, К.А. Мефодьева верно подмечает, что цифровые данные в отличие от аналоговых⁶⁴ данных не могут быть восприняты непосредственно органами чувств человека без обработки компьютера⁶⁵. А.А. Карцхия также утверждал, что объекты цифрового гражданского оборота «являются нематериальные объекты, создаваемые компьютерными программами в результате математических вычислений»⁶⁶.

3) **Непотребляемость и неистощаемость**. Цифровые активы имеют возможность многократного использования, переработки и передачи одних и тех же данных неограниченному кругу лиц. В науке отмечается, что передается актив зачастую (но не всегда) посредством копирования, при этом копирование и передача возможна неограниченное количество раз без влияния на качество объекта, а субъект передачи имеет возможность сохранить передаваемый объект у себя⁶⁷. К.А. Мефодьева же считает, что цифровая форма позволяет не просто создать подобный объект, а «произвести абсолютно точную копию

⁶² Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 98 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

⁶³ Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 100 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

⁶⁴ данные, которые могут быть восприняты без предварительной обработки техническими средствами

⁶⁵ Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мефодьева Кристина Александровна; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2019. – С.150.

⁶⁶ Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Карцхия Александр Амиранович; Российская Государственная Академия Интеллектуальной Собственности. – Москва, 2019. – С.294.

⁶⁷ Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мефодьева Кристина Александровна; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2019. – С.180.

объектов, т.е. «клонировать объект, когда копии абсолютно идентичны оригиналу»⁶⁸.

4) В качестве признака выделяют и **экстерриториальность**. В силу того, что Интернет суть «распределенная сеть, не контролируемая единственной страной или правительством, работающая на основе открытых стандартов, которые позволяют сетям во всем мире соединяться друг с другом» в науке отмечается наличие проблемы определения юрисдикции при разрешении споров, объектом которых являются цифровые активы⁶⁹. Так, А.Г. Дейнеко утверждает, что затруднительно говорить о действии правовых норм по принципу территориальности в киберпространстве в силу того, что Интернет-цифровая сеть, не имеющая материальных границ⁷⁰. В.А. Белов также характеризует отношения в телекоммуникационных сетях, как отношения, не имеющие пространственных границ. Так, пишет автор «оставаясь в своей московской квартире или офисе, каждый из нас может отправить в любое время в любую точку мира кому угодно и получить от кого угодно любые объекты,... уплатить любую денежную сумму в любой валюте, заключить практически любой договор...»⁷¹.

На наш же взгляд, экстерриториальность подобных объектов условна. Действительно, не стоит ставить под сомнения тот факт, что существует возможность оперативной передачи виртуального имущества между субъектами, которые находятся в разных частях планеты. Однако, на сегодняшний день Интернет является важным объектом государственного регулирования в силу того, что данная сеть прочно вошла в жизнь людей, а

⁶⁸ Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мефодьева Кристина Александровна; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2019. – С. 188.

⁶⁹ Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 304 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

⁷⁰ Дейнеко, А.Г. Право киберпространства: PRO ET CONTRA / А.Г. Дейнеко // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2018. С. 246.

⁷¹ Белов В.А. Digital Private Law & Rights: размышления о преобразованиях, уже произведенных в частном праве развитием глобальной компьютерной сети Интернет, и о реформах, его скоро и неминуемо по той же причине ожидающих / В.А. Белов // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2018. С. 256.

также в силу потенциала данной сети. Именно поэтому на национальном уровне в нашей стране существует нормативное регулирование сети Интернет, которое осуществляется путем воздействия на субъектов, обеспечивающих доступ к интернету (операторы поисковых систем, организаторов распространения информации в сети "Интернет" и т.д.)⁷², либо путем предъявления требований к содержанию информации в сети Интернет и наконец, посредством блокирования доступа к определенным сегментам Интернета. Кроме того, существует возможность создания национальной сети Интернет.

Так, например, в России некоторые ученые ссылаются на наличие «Суверенного Рунета»⁷³. Законодательство о Рунете имеет ряд основополагающих актов, к которым относятся: ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", ФЗ "О связи"⁷⁴, Законы «пакета Яровой»⁷⁵ и другие. Неправительственная организация Freedom House по итогам 2021 года, исходя из анализа законодательства об Интернете, относит интернет в России к числу несвободных (Not Free) с показателем свободы 30 из 100⁷⁶.

Но справедливости ради следует отметить, что регулирование Интернета осуществляется не только посредством контроля содержания, но и путем определения норм о технической составляющей данной сети. Так, в 2020 году

⁷² Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ: редакция от 30.12.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022).

⁷³ Исакова, В.С. "Суверенный Рунет" и "Великий китайский файрвол": сравнительно-правовой анализ / В.С. Исакова // Государственная власть и местное самоуправление. - 2022. - № 2. - С. 57.

⁷⁴ Российская Федерация. Законы. О связи : Федеральный закон от от 07.07.2003 N 126-ФЗ: редакция от 30.12.2021// КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022).

⁷⁵ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности": Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 374-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022). + Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 06.07.2016 N 375-ФЗ: // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022).

⁷⁶ Свобода В Мире // Freedom House : сайт. – 2022. – URL: <https://freedomhouse.org/>

Правительство РФ приняло Постановление №127, целью которого является обеспечение стабильности Интернета и защита от угроз устойчивости функционирования сети⁷⁷.

Исходя из этого, признак экстерриториальности можно отнести к виртуальному имуществу только, если понимать под ним лишь **потенциальную возможность** беспрепятственного обращения цифровых активов.

Если же относить виртуальное имущество к объектам права, то данные активы должны соответствовать признакам, характерным для объектов права:

1) Первым признаком, как мы говорили ранее, является **дискретность**. Если внешняя дискретность обуславливается наличием особых признаков в числе которых: виртуальность, существование в качестве кода, непотребляемость, неистощаемость и экстерриториальность, внутренняя дискретность же в некоторых случаях вызывает определённые проблемы. Например, при клонировании, которое подразумевает воссоздание оригинала со всеми присущими ему свойствами и признаками при сохранении свойств и признаков у самого оригинала. Если мы утверждаем, что передача цифрового объекта может осуществляться посредством его клонирования, то как разграничить оригинал и клон?! В таком случае, мы считаем, что возможно смоделировать два варианта решения проблемы.

Первый вариант заключается в отрицании самостоятельности клона. Пока копия тождественна оригиналу, мы не должны признавать наличие двух разных объектов. В данном случае, как кажется, и оригинал и клон составляют один объект, который уже обладает внутренней дискретностью. В случае же внесения изменений в клон, то возникают качественные или количественные отличия от оригинала и тогда клон приобретает внутреннюю дискретность. Если признать данную модель в качестве верной, то получается, что при

⁷⁷ Российская Федерация. Постановление Правительства. Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования: Постановление Правительства РФ от 12.02.2020 № 127 : ред. от 17.12.2021 КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022)

передаче клона изначальный «правообладатель», не лишаясь своего права на объект, наделяет «приобретателя» такой же совокупностью правомочий в отношении этого объекта, которую имеет сам. В итоге напрашивается вывод, что на один и тот же объект потенциально возможно существование безграничного количества идентичных прав, правообладатели которых могут, без умаления и лишения прав остальных правообладателей, передавать свои права на объект.

Второй вариант заключается в признании все же за клоном некоторых отличий, не влияющих на качественные и количественные характеристики. Применимо к цифровым активом, речь может идти о дате создания, привязки к субъектам, присвоении индивидуального номера. Данные признаки никак не влияют на сущностную составляющую объекта, но при этом лишают абсолютной идентичности оригинал и клон, тем самым создавая внутреннюю дискретность. На наш взгляд, именно данная модель является более предпочтительной в силу своей простоты.

2) Что же касается юридической привязки, то весьма распространённой является позиция признания возможности установления на виртуальное имущество какого-либо абсолютного права. Так, К.А. Мефодьева пишет о том, что абсолютное право на виртуальное имущество суть право контроля над доступом к цифровым данным. В содержании указанного права выделяется триада правомочий:

Правомочие доступа, которое заключается в возможности «беспрепятственного и безусловного доступа обладателя к цифровым данным и удержания такого доступа». Препятствия же доступа третьих лиц создаются посредством установление кодов, паролей технических ограничений доступа.

Правомочие пользования имеет своим содержанием возможность эксплуатации цифровых данных любым незапрещенным законом способом. В качестве примеров пользования автор называет: возможность «запускать код в программе для ЭВМ на компьютере, делать временные и постоянные копии, модифицировать код, извлекать новую информацию из закодированной

информации» и т.д.. Правомочие же распоряжения суть возможность решения судьбы виртуального имущества⁷⁸.

Как можно заметить, выделяемая триада правомочий крайне близка с триадой собственности, за тем исключением того, что владение заменяется правом доступа, хотя по содержанию данные правомочия весьма схожи, и то и другое заключается в возможности для управомоченного субъекта осуществлять контроль, а также в возможности отстранять третьих лиц от доступа к объекту контроля. Особенностью же абсолютного права на виртуальное имущество является то, что реализация входящих в него правомочий практически невозможна без использования технических средств. М.А. Рожкова также говорит о необходимости признания «имущественных прав на новые нематериальные объекты» в силу того, что указанные объекты из-за определенных качеств не подпадают под имеющиеся конструкции вещных и исключительных прав⁷⁹. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна, в свою очередь, самостоятельно не формируя абсолютного права на виртуальное имущество, говорят о необходимости формирования нового правового режима на указанные объекты⁸⁰.

Однако, есть и противники выделения каких-либо особых прав на изучаемые объекты. Представителем подобной позиции является Л. Новоселова, которая обращает внимание на то, что «токенизация» объектов права не приводит к созданию нового объекта с самостоятельным режимом. В условиях цифрового пространства создаются лишь новые формы существования уже известных объектов. Автор пишет, что «в зависимости от их функций они могут рассматриваться либо как особый вид денег, ценных

⁷⁸ Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мефодьева Кристина Александровна; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2019. – С. 200.

⁷⁹ Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав / М.А. Рожкова // Право цифровой экономики – 2020: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2020. С. 30.

⁸⁰ Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 112 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

бумаг либо как форма закрепления известных имущественных (в основном обязательственных) прав. Но в тоже время Л. Новоселова абсолютно не исключает возможность в будущем появления цифровых активов в качестве новых объектов права, но для этого необходимо исчерпание имеющихся инструментов правового регулирования, т.е. должна сложиться ситуация, в которой «даже модификация имеющихся правовых конструкций, не позволит решить возникающие проблемы»⁸¹. Систематизируя позицию Л. Новоселовой, можно подытожить, что ученый не исключает наличие правовой привязки виртуального имущества, автор в данном случае лишь говорит о распространении на цифровые активы привязки уже существующих объектов.

Также учеными удостоверяется факт наличия у виртуального имущества товарности. Например, Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова пишут: «Использование таких цифровых активов само по себе свидетельствует о том, что данные объекты обладают определенной ценностью, а факт, что вновь сгенерированные объекты могут оказаться "мыльными пузырями", не имеет правового значения. Эти активы обладают как минимум потенциальной стоимостью». Помимо этого, авторы указывают на то, что «в самом названии "цифровой актив" заложено указание на имущественную ценность цифрового объекта»⁸². Как кажется, следует согласиться тем, что подобные объекты зачастую имеют и денежный эквивалент и служат для удовлетворения потребностей, т.е. признаются благом.

Исходя из представленных признаков можно говорить о том, что под **цифровым активом** понимается представленный в цифровой форме непотребляемый, неистощаемый объект, воспринимаемый человеком и воспринимающий воздействие со стороны человека посредством использования технических средств, служащий для удовлетворения каких-либо

⁸¹ Новоселова, Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Л.А. Новоселова, Б.М. Гонгало // Пермский юридический альманах. – 2019. – №2. – С. 189.

⁸² Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 120 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

потребностей субъектов права, а, следовательно, представляющий реальную или потенциальную ценность.

Однако, несмотря на схожие выделяемые отличительные признаки указанной категории, среди авторов нет единого мнения относительно объектов, которые относятся к виртуальному имуществу. Так, вышеупомянутые Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна в качестве виртуального имущества называют: токены, виртуальное игровое имущество, Большие данные, криптовалюту, доменные имена и аккаунты. Помимо этого, ученые относят к цифровым активам объекты интеллектуальной собственности в тех случаях, когда они, а не исключительные права на них, становятся объектами оборота в виртуальном мире, подобно тому как книги обращаются в обороте как вещи, а не как результат интеллектуальной деятельности⁸³.

М.А. Рожкова в дополнение к указанному перечню выделяет виртуальное имущество в социальных сетях⁸⁴. А.А. Карцхия представляет наиболее широкий перечень таких объектов, называя игровое имущество, виртуальное имущество, «цифровых двойников», сложные технологические платформы (социальные сети, мессенджеры), доменные имена, средства индивидуализации цифровых устройств (IP-адреса, аккаунты и личные данные в социальных сетях) и т.д.⁸⁵.

К.А. Мефодьева же исключает из указанного перечня виртуальное игровое имущество, придерживаясь теории «магического круга»⁸⁶.

Как мы видим, из-за весьма абстрактных признаков цифровых активов и отсутствия единства понимания их природы учеными предлагается широкая

⁸³ Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 125. - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

⁸⁴ Рожкова, М.А. Виртуальное имущество и многопользовательская онлайн-игра – как различать возникающие по их поводу отношения? / М.А.Рожкова - Закон.ру : [сайт]. - 2020. - 6 декабря - URL: <https://zakon.ru>

⁸⁵ Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Карцхия Александр Амиранович; Российская Государственная Академия Интеллектуальной Собственности. – Москва, 2019. – С.98

⁸⁶ Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мефодьева Кристина Александровна; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2019. – С. 122

совокупность элементов, входящих в изучаемую категорию. Некоторые объекты станут предметом исследований в следующем параграфе.

2.2 Особенности правового режима отдельных видов цифровых активов

Анализ объектов, относимых в науке к виртуальному имуществу, можно начать с **токенов**. Под последним зачастую понимается «виртуальные единицы, которыми оперирует блокчейн»⁸⁷, также их называют «жетонами» или «монетами». Л.Г. Ефимова называет токенами «условные виртуальные символы объекта права в киберпространстве, который продолжает существовать в реальном мире либо в виде вещи, либо в виде права требования, либо в ином виде»⁸⁸.

Однако подобное понимание токена является узким, в действительности же данный цифровой актив может не являться виртуальным отражением реального объекта, а иметь вполне самостоятельную ценность. Во втором случае речь идет о **криптовалютах**. Л.А. Новоселова и Б.М. Гонгало, исходя из этого, выделяют утилитарные токены (окрашенные) и платежные токены. К первым ученые относят «виртуальный образ, символ имущества, в отношении которого совершаются юридически значимые действия. В качестве объекта отраженного в окрашенном токене могут выступать работы, услуги, вещи (движимые и недвижимые), иные объект, результаты интеллектуальной деятельности и т.д.. Конструкция утилитарного токена близка по функционалу к ценным бумагам. Так, оба объекта «фиксируют наличие и содержание права, обеспечивают его привязку к субъекту, не привязаны к материальному носителю и передаются путем внесения записей о передаче в специальную систему учета»⁸⁹. Д.В. Федотов также говорит о том, что «токенизация уже

⁸⁷ Новоселова, Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Л.А. Новоселова, Б.М. Гонгало // Пермский юридический альманах. – 2019. – №2. – С. 190

⁸⁸ Ефимова, Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права /Л.Г. Ефимова // Хозяйство и право. - 2019. - N 4. - С. 23.

⁸⁹ Новоселова, Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Л.А. Новоселова, Б.М. Гонгало // Пермский юридический альманах. – 2019. – №2. – С. 191.

существующих объектов гражданского права, а не создание «с нуля», привносит лишь особый способ учета таких объектов⁹⁰.

На данном момент существует частичное регулирование токенов. Так, в 2019 году в Гражданский кодекс РФ введена ст. 141.1 и внесены изменения в ст. 128, вследствие чего были закреплены в качестве объектов прав цифровые права, которые стали относиться к «иному имуществу». При этом данная законодательная конструкция полностью подчиняется принципу «признания *ex lege*», в связи с этим мы получаем крайне узкий круг объектов, которые могут именоваться цифровыми правами. Одно из немногих указаний на цифровые права содержится в ФЗ РФ от 31.07.2020 №259, где в качестве последних названы цифровые финансовые активы и цифровая валюта. Именно данные конструкции своим содержанием охватывают понятие утилитарного токена (относятся к ЦФА) и криптовалюты (относятся к ЦВ)⁹¹.

Подобные введения поддерживаются не всеми исследователями. Например, С.В. Сарбаш указывает на то, что цифровые права по своей сути сводятся к цифровому коду или обозначению, которые содержатся в распределенном реестре (блокчейн) и удостоверяют права на объекты гражданских прав того лица, которое имеет уникальный доступ к коду. Данная конструкция создает «нагромождение прав: уникальный доступ на "цифровое право" на право на объект гражданского права, который тоже может являться правом». Подобное определение цифровых прав наталкивает автора на вывод о том, что в действительности никаких цифровых прав не существует, а закон вводит юридическую фикцию, необходимость которой не обоснована фундаментальными исследованиями.⁹²

⁹⁰ Федотов, Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федотов Дмитрий Витальевич ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2012. – С.156

⁹¹ Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ: // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022).

⁹² Сарбаш, С.В. Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении

Н.Г. Семилютина также указывает на то, что признание цифровых прав влечет за собой «мультиплицирование» гражданских прав⁹³. Цифровые права, по мнению ученого, являются лишь оформлением традиционных имущественных прав, причем совершенно разной природы, которые могут существовать в электронной форме, не создавая нового вида гражданского права. Л.А. Новоселова придерживается схожей позиции, говоря, что токен отражает лишь форму отношений, но не их существо. Как указывает публицист, окрашенный токен пока является лишь «информацией», включающей данные о правах (или имуществе), а признание информации объектом права «породит создание параллельной реальности: оборот зеркальных копий обычных объектов, но в полном отрыве от них самих»⁹⁴.

На наш взгляд, стоит заметить, что понимание токенов как новой формы закрепления существующих объектов справедливо лишь для утилитарных токенов, но не для криптовалюты. Что же касается позиции авторов об отрицании цифровых прав и токенов, подтверждающих права на иные объекты, то следует указать на то, что проблема токенов схожа с проблемой ценных бумаг, которые также являясь объектом права, могут содержать права на иные объекты («права на бумагу» и «права из бумаги»). Кроме того, сама профессор Л.А. Новоселова признает, что между токеном и объектом, который он отражает, может создаваться функциональная связь, «при которой извлечение полезных свойств из объекта будет невозможным без обладания его цифровым аватаром, а возможность объекта выступать в качестве блага будет подчинена судьбе токена и тогда уже реальные блага будут выступать и пониматься уже не как самостоятельные объекты, а как неотделимые компоненты цифровых

изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» / С.В. Сарбаш – Привло.ru : [сайт]. - 2019. – 17 января - URL: <http://privlaw.ru>

⁹³ Семилютина, Н.Г. Дополнения Н.Г. Семилютиной к Замечаниям С.В.Сарбаша касательно проекта ФЗ о «цифровых правах»// Н.Г. Семилютина- Закон.ru : [сайт]. - 2018. - 27 апреля - URL: <https://zakon.ru>

⁹⁴ Новоселова, Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Л.А. Новоселова, Б.М. Гонгало // Пермский юридический альманах. – 2019. – №2. – С. 179.

активов»⁹⁵. Передача же токена в таком случае будет приравниваться к передаче соответствующего объекта гражданского права в реальном мире⁹⁶.

В связи с этим вряд ли следует оспаривать признание токенов и криптовалюты в качестве объектов прав (цифровых прав), относимых к иному имуществу.

Домен или доменное имя - следующий объект, который, по нашему мнению, заслуживает внимания. На данный момент существует легальная дефиниция термина «доменное имя», в ФЗ РФ от 27.07.2006 №149 под доменом понимается «обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети "Интернет" в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети "Интернет"»⁹⁷. Иначе говоря, домен представляет собой уникальную (два одинаковых доменных имени зарегистрировано быть не может, равно, как и технически невозможно использование домена неопределенным кругом лиц) совокупность символов, не отличных от букв, цифр и дефиса⁹⁸.

Определенный домен составляет часть иерархической системы доменных имен. Так, М.А. Рожкова справедливо подмечает, что полное доменное имя включает в себя имена нескольких доменов – начиная с доменов более высокого уровня и затем переходя к доменам последующих уровней, «причем состав доменных имен раскрывается справа налево». Первым указывается корневой домен (также именуемый нулевым), далее идут домены первого (верхнего) уровня, к которым относятся национальные и региональные домены или домены общего назначения и наконец домены второго и третьего уровней⁹⁹.

⁹⁵ Новоселова, Л. А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах / Л. А. Новоселова, О.А. Полежаев // Закон. - 2020. - №11. - С. 169.

⁹⁶ Ефимова, Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права /Л.Г. Ефимова // Хозяйство и право. - 2019. - № 4. - С. 21.

⁹⁷ Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ: редакция от 30.12.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022).

⁹⁸ Кожемякин, Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: монография /Д.В. Кожемякин. - Москва : Проспект, 2019. - С.98 - ISBN 978-5-392-27182-5

⁹⁹ Рожкова, М.А. Доменное имя – это объект гражданских прав? / Is a domain name an object of civil rights? / М.А.Рожкова - Закон.ру : [сайт]. – 2022. - 1 марта - URL: <https://zakon.ru>

Относительно правовой природы домена высказывались разные позиции. Так, А.К. Быстров писал на то, что домен суть средство индивидуализации субъектов права в сети интернет и в силу этого на него должно устанавливаться исключительное право¹⁰⁰. М.В. Тарасов также указывает на самостоятельный характер доменного имени как средства индивидуализации. Так, автор пишет, что «доменное имя несет в себе смысловую нагрузку, которая дает возможность обычному пользователю с его помощью запомнить адрес электронного ресурса» тем самым индивидуализируя, выделяя данный ресурс среди прочих. Подобная функция домена делает его средством индивидуализации, которому не предоставляется правовая охрана¹⁰¹. Стоит отметить, что в проекте 4 части Гражданского кодекса РФ предлагалось внести с структуру 76 главы параграф, посвящённый исключительному праву на доменное имя. Однако, на сегодняшний момент есть прямое указание на неприменение положений части 4 Гражданского кодекса РФ к изучаемому объекту¹⁰².

М.А. Рожкова же говорит о том, что домен суть имущество, ценность которого обуславливается возможностью «отличать соответственно товары и услуги одних юридических или физических лиц от однородных товаров и услуг других юридических или физических лиц»¹⁰³. Поэтому доменное имя, по мнению автора, является объектом права как «идентификатор бизнеса или частных лиц». Свою позицию ученый основывает также на практике ЕСПЧ, который в одном из дел прямо указал на то, что права на использование

¹⁰⁰ Быстров, А. К. Интернет-сайт и доменное имя как объекты гражданских прав в системе отношений по использованию сети Интернет: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Быстров Арте Константинович; Российская государственная академия интеллектуальной собственности». – Москва, 2016. – С.143.

¹⁰¹ Тарасов М.В. Субъекты и объекты гражданских правоотношений в информационно-коммуникационных сетях: проблемы теории и практики Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тарасов Михаил Владимирович; Российская государственная академия интеллектуальной собственности». – Москва, 2015. – С. 87.

¹⁰² «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10// КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

¹⁰³ Постановление Президиума ВАС РФ от 16.01.2001 №1192/00 по делу N А40-25314/99-15-271 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

доменов имеют экономическую ценность, и сделал вывод о том, что эти права подпадают под действие ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции по правам человека¹⁰⁴.

Кроме того, М.А. Рожкова считает, что само право на доменное имя носит абсолютный характер т.к. при регистрации доменного имени у всех третьих лиц возникает обязанность не препятствовать администратору¹⁰⁵ в реализации прав на доменное имя. В содержании же данного права выделяются: правомочие обладания правами на доменное имя, правомочие использования и правомочие распоряжения доменом. Первое подразумевает возможность признаваться носителем прав на доменное имя, второе заключается в возможности «создания поддоменов; создания почтовых ящиков, связанных с доменом или его поддоменами; размещения на домене или поддоменах сайтов; размещения рекламы на доменах, не используемых под сайты и т.д.», и наконец третье правомочие может быть реализовано путем: отказа от прав на доменное имя, отчуждения прав (уступки прав) на доменное имя, предоставления иному лицу права использовать доменное имя на условиях, предусмотренных соответствующим договором, без передачи права на доменное имя¹⁰⁶.

Д.В. Кожемякин также говорит, что право на домен носит абсолютный характер. Автор выделяет систему правомочий, среди которых разграничиваются технические и экономические. Технические правомочия — это суть права администрирования, которые заключается в возможности наиболее полно контролировать доменное имя, к экономическим цивилист причисляет возможность присвоения благ, получаемых при использовании

¹⁰⁴ Рожкова, М.А. Доменное имя – это объект гражданских прав? / Is a domain name an object of civil rights? / М.А.Рожкова - Закон.ру : [сайт]. – 2022. - 1 марта - URL: <https://zakon.ru>

¹⁰⁵ Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ: утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 №2011-18/81 : ред. от 16.07.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022).

¹⁰⁶ Рожкова, М.А. Доменное имя – это объект гражданских прав? / Is a domain name an object of civil rights? / М.А.Рожкова - Закон.ру : [сайт]. – 2022. - 1 марта - URL: <https://zakon.ru>

доменного имени или распоряжении правом на него¹⁰⁷. Распоряжение, по мнению автора, осуществляется путем погашения записи о регистрации доменного имени прежнего правообладателя и внесение соответствующей записи о регистрации нового доменного имени уже за другим владельцем.

Несмотря на разные подходы к определению правой природы, авторами в целом не отрицается ценность доменного имени как нематериального объекта, в силу этого считаем возможным признать домен в качестве объекта права.

Аккаунт (учетная запись), под которым можно понимать используемый в различных интернет-сервисах элемент сетевой инфраструктуры, представляемый собой совокупность данных о пользователе, необходимую для его аутентификации и предоставления доступа к его личным данным и настройкам¹⁰⁸.

В науке в зависимости от целей использования учетные записи делят на пользовательские и коммерческие. Под первыми понимаются аккаунты, которые носят исключительно информационный характер и содержат информацию о пользователе, вторые же задействованы в осуществлении пользователем предпринимательской деятельности¹⁰⁹.

В связи с тем, что пользовательские аккаунты содержат зачастую лишь сведения о пользователе и его активности (переписки, истории поиска, файлы облачного хранилища в том числе фото и видео материалы), многие исследователи считают, что отсутствует необходимость в признании их объектами прав в связи с отсутствием материальной ценности. Что же касается коммерческих аккаунтов, то здесь, напротив, авторы говорят о том, что учетная запись для предпринимателей - суть «витрина виртуального магазина либо интернет-сайта магазина, где можно осуществлять коммерческую деятельность онлайн из любой точки мира». При этом чем узнаваем аккаунт в сети, тем

¹⁰⁷ Кожемякин, Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: монография / Д.В. Кожемякин. - Москва : Проспект, 2019. - 98 с. - ISBN 978-5-392-27182-5

¹⁰⁸ Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 132 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

¹⁰⁹ Гапанович, А.В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях / А.В. Гапанович // Наследственное право. - 2020. – № 2. - С. 41

большую экономическую ценность он имеет, здесь же справедливым будет заметить то, что в момент регистрации аккаунт еще не имеет ценности в силу отсутствия какого-либо наполнения и отсутствия сведений о нем у третьих лиц¹¹⁰.

Схожую классификацию предлагает и Е.Е. Кирсанова, которая делит аккаунты на: «аккаунты, представляющие собой право доступа в автоматизированную систему, не имеющие самостоятельной ценности и используемые для получения доступа к товару/услуге и аккаунты, имеющие коммерческую ценность ввиду особых параметров». Как указывает сам автор, первая группа не имеет значения для частноправовых отношений, помимо как защиты данных о пользователях¹¹¹.

В действительности же во многих социальных сетях «страничка» становится не просто местом самовыражения, но и местом осуществления предпринимательской деятельности, при чем не только путем продвижения своего товара, работ или услуг, но и посредством рекламы иных субъектов предпринимательства. По существу, учетные записи превращаются в бесплатный способ доведения до «всякого и каждого»¹¹² сведений, которые способны привлечь клиентуру. На практике даже сформировалась отдельное направление маркетинговой деятельности, посвящённое коммерческому управлению и развитию профилей - social media marketing – SMM¹¹³. Экономическую ценность аккаунта признают не только в науке, но и нотариусы, говоря, что «страница в социальной сети может служить основной

¹¹⁰ Гринь, Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт /Е.С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - № 2. - С. 131.

¹¹¹ Кирсанова Е.Е. Аккаунт как объект гражданских прав / Е.Е. Кирсанова // Вестник арбитражной практики. - 2020. - № 2. - С. 46.

¹¹² Белов В.А. Digital Private Law & Rights: размышления о преобразованиях, уже произведенных в частном праве развитием глобальной компьютерной сети Интернет, и о реформах, его скоро и неминуемо по той же причине ожидающих / В.А. Белов // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2018. - С. 266.

¹¹³ Метягин, К.С. Правовая природа страницы социальной сети / К.С.Метягин – Гарант.ру : [сайт]. – 2015. – 16 сентября - URL: <https://www.garant.ru/>

для бизнеса, быть эффективной площадкой для размещения рекламы и, как следствие, также приносить прибыль и иметь ценность для ее владельца»¹¹⁴.

Относительно же правовой природы аккаунта, то здесь также существует множество воззрений. В основном, большинство авторов склоняются к отнесению аккаунтов к интеллектуальной собственности. Так, Е.С. Гринь пишет, что аккаунты в социальных сетях можно рассматривать как «мультимедийные продукты, если они соответствуют признакам данных сложных объектов, либо как интернет-сайты», однако по существу автор говорит о том, что аккаунт является или сложным (мультимедийные продукты) или составным произведением(сайт)¹¹⁵.

А.В. Гапанович напротив относит виртуальное имущество из социальных сетей к иному имуществу, если оно используется в коммерческой деятельности¹¹⁶. К.А. Мефодьева вовсе считает, что цифровой аккаунт неурегулированным имуществом, служащим «для обозначения средства идентификации субъекта или объекта» и предлагает признать профиль в качестве - имущества *sui generis*¹¹⁷.

На наш взгляд, определение правовой природы профиля вызывает большие сложности в силу того, что при распространении на них положений об интеллектуальной собственности или формирование нового абсолютного права возникают вопросы относительно защиты данных объектов в случае прекращения действия платформы, на которой находится профиль (удаление сайта или приложения). Так если профиль – объект абсолютного отношения, то существенные изменения платформы (например, в Вконтакте пользовательским соглашением прямо предусмотрена возможность одностороннего изменяя

¹¹⁴ <https://notariat.ru/ru-ru/news/poryadok-nasledovaniya-cifrovyyh-aktivov-mnenie-ekspertov-notariata>

¹¹⁵ Гринь, Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт /Е.С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. -2022. - № 2. - С. 130.

¹¹⁶ Гапанович, А.В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях / А.В. Гапанович // Наследственное право. - 2020. – № 2. - С. 41.

¹¹⁷ Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мефодьева Кристина Александровна; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2019. – С.99.

оформления Сайта, его содержания, функционала, скриптов, программного обеспечения и других объектов, используемым или хранящихся на сайте¹¹⁸) или ее удаление приводят к кардинальным изменениям профиля или его исчезновению, что по сути является нарушением абсолютного права правообладателя. То есть складывается ситуация, в которой третье лицо (владелец платформы) односторонним волеизъявлением способен прекратить, ограничить абсолютное право «собственника» профиля или же внести изменения в объекта права. Возможно же и обратное положение дел - у владельца платформы возникает обязанность бессрочно поддерживать функционал платформы ради сохранения прав «собственников» профилей. Как кажется обе ситуации выглядят абсурдными.

На наш взгляд, является верным, то что сама возможность создания аккаунта обусловлена лицензионными соглашениями, в соответствии с которыми лицензиат получает возможность использовать сервисы программы для ЭВМ или сайта. Например, возможность использования сервисов Instagram появляется после ознакомления выражения согласия с «Пользовательским соглашением», в котором отражены пределы использования сервисов Instagram, взаимные права и обязанности участников соглашения¹¹⁹.

Содержанием же аккаунта, на наш взгляд, является контент, который включает в себя: данные о пользователи, в том числе персональные данные, результаты интеллектуальной деятельности пользователя или иных лиц. Так, вышеуказанное соглашение с Instagram содержит положения, закрепляющие, что права пользователя на контент при размещении в аккаунте остаются неизменными, однако при публикации контента, обладатель Instagram получает неисключительную, безвозмездную, действующую по всему миру лицензию, на использование публикаций пользователя с правом удаления противоправного контента. Данная лицензия прекращается с момента удаления контента пользователем.

¹¹⁸ <https://vk.com/terms>

¹¹⁹ <https://www.facebook.com/help/instagram>

Как мы видим, аккаунт представляет собой «объект», основанный на соглашении правообладателя платформы и конечного пользователя, включающий в себя объекты гражданских и иных прав пользователя. Поэтому, на наш взгляд, аккаунт не является самостоятельным объектом права, а представляет собой совокупность прав в отношении разных объектов: самой платформы и контента.

Рассмотрев некоторые примеры объектов, которые относят к виртуальному имуществу, мы увидели, что действительно есть множество не урегулированных отношений, складывающихся по поводу использования объектов, существующих исключительно в цифровой форме, но при этом обладающие экономической ценностью в силу способности удовлетворять интересы общества. Однако данные объекты хоть и обладают сходными чертами, но в тоже время представляют собой совокупность явлений, чья правовая природа до конца не изучена и нуждается в осмыслении.

3. Игровое виртуальное имущество

Эволюция цифровых технологий привела не только к токенизации имеющихся объектов и появлению качественно новых, но и к развитию сферы развлечений. Так, глобальный интернет позволил создать новые виртуальные реальности, которые способны объединить людей с разных точек планеты. На данный момент наиболее популярными среди таких виртуальных миров являются массовые многопользовательские онлайн-игры (Massively multiplayer online game или сокращенно ММОГ). В отличии от иных игр ММОГ, по мнению А.И. Савельева, обладает стабильностью и динамичностью. Стабильность проявляется в том, что виртуальный мир не прекращает своего существования с выключением пользователем своего компьютера, а

динамичность находит отражение в постоянных изменениях, происходящих в данном мире»¹²⁰.

Однако, несмотря на цифровую форму, многие элементы ММОГ приобретают вполне реальную ценность. Такие предметы игровых миров, которые «могут обращаться на реальном рынке и обмениваться на реальную валюту» обычно называют «игровым виртуальным имуществом»¹²¹. Например, стоимость самого дорого «скина» в Counter-Strike: Global Offensive составляет примерно 800 000\$¹²².

В качестве особенности таких объектов называют то, что «ценность виртуальной собственности напрямую связана с популярностью игры и возможностью обладать данным имуществом только в течение определенных периодов времени»¹²³. Кроме того, примечательным является тот факт, что чем меньше игроков присутствует в игре или чем большее количество игроков обладает идентичной вещью, тем меньше ценность данной вещи. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна также отмечают, что виртуальная собственность обесценивается и в случае, если игрок владеет целой вселенной, но он единственный, кто посещает этот мир. Помимо объективных факторов, влияющих на ценность внутриигровых активов, существует также и фактор связанный с произволом издателя. Так, игроки могут возмездно получать виртуальное игровое имущество, которое дает им определенные преимущества, но в процессе обновления игры могут быть добавлены элементы, изменяющие баланс и обесценивающие ранее купленные предметы.

Как мы видим, действительно игровое имущество может обладать определенной имущественной ценностью, которая зависит от множества рыночных факторов.

¹²⁰ Савельев, А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. - 2014. - № 1. - С. 132.

¹²¹ Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 124- URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

¹²² <https://games.mail.ru/pc/news>

¹²³ Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 127 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

Однако, правовой режим такого рода объектов в России является неопределенным. По мнению А.И. Савельева, правовая неопределённость порождает ряд существенных проблем, к которым относятся: «регулирование отношений между пользователями и операторами виртуальных пространств осуществляется как правило «соглашениями с конечным пользователем», по которым пользователь нередко может быть лишен своей учетной записи (заблокирован) без какой-либо компенсации за сделанные "инвестиции"; затрудняется налогообложение операций по продаже и покупке подобных объектов; и последнее - отсутствие возможности апелляции к органам власти в спорах, связанных с мошенничеством в сфере оборота виртуальных объектов, имеющих реальную ценность»¹²⁴.

В связи с этим встает вопрос о правовой связи между «покупателем» и объектом, в доктрине сформировалось несколько подходов к правовому режиму игровой собственности.

Первый подход заключается в сохранении нейтралитета права в сфере игровых процессов. Представители данной идеи зачастую опираются на теорию «магического круга», суть которой заключается в определении «семантических пределов права»¹²⁵. В связи с этим Е.А. Останина пишет, что в силу того, что «пространство игры отделено от реального пространства неким магическим кругом, действия внутри и вне которого не должны зависеть друг от друга», только когда деятельность в виртуальном мире влечет последствия для реального мира, данные отношения должны подчиняться праву реального мира¹²⁶.

¹²⁴ Савельев, А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. - 2014. - № 1. - С. 135.

¹²⁵ Архипов, В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Архипов Владислав Владимирович; Санкт-Петербургский Государственный Университет. – Санкт-Петербург, 2019. – С.165.

¹²⁶ Останина, Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей / Е.А. Останина // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. - Москва : Статут, 2018.- С. 268.

В.В. Архипов, в свою очередь, указывает на то, что теория «магического круга» позволяет отграничить абсурдное, выходящее за границы здравого смысла, применение норм права от разумного толкования правовых положений. Для этого автор вводит два критерия: серьезность и реальность. Серьезность автор толкует как способность предмета выражать деньги, власть, или влияние, реальность же противопоставляется фантазийности. При этом квалификация предмета как «игрового» еще не означает отсутствие «реальности» в силу того, что реальность суть «изоморфизм между предметом отношений, подразумеваемого в правовой норме, и предметом, интересующего нас». По сути реальность — это соответствие изучаемого объекта объекту, на который направлено действие правовых норм или хотя бы принципов права.

Пример применения норм к фантазийному объекту был и на практике: так, Заводоуковской районный суда Тюменской области в 2016 году принял решение о блокировке сайта, на котором был размещен рецепт изготовления динамита в игре Minecraft. Указанный рецепт является предельно условным и вероятнее всего имеющим мало общего с реальным процессом производства взрывчатого вещества (в игре необходимо лишь в определенном порядке в «верстаке» разложить игровой песок и порох)¹²⁷. В данном случае объект «не реален», потому что установленный законодательством запрет на «распространение сведений, содержащих инструкции по самодельному изготовлению взрывчатых веществ» под «взрывчатыми веществами» понимает нечто отличное от рецепта игрового взрывчатого вещества¹²⁸. Другим примером является уголовное дело в отношении подростка Никиты Уварова, который приговорен к 5 годам лишения свободы. Дело подростка получило широкий резонанс в силу того, что изначально обвинение строилось на том, что подростки обсуждали идею взорвать здание ФСБ, построенное в игре Minecraft, но в итоге переписка по Minecraft в обвинительное заключение не вошла, а

¹²⁷ Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области от 12 июля 2016 года по Делу № 2-662/2016 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

¹²⁸ Российская Федерация. Законы. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1: редакция от 01.07.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022).

подростков обвинили в организации террористического сообщества (ст. 205.4 УК) и прохождении обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК).

Основываясь на данных двух критериях, В.В. Архипов формирует три ситуации: «предмет несерьезен, структура фантазийна – применение права абсурдно. Удовлетворен один из критериев – это область взвешивания моральных ценностей («область полутени»), оба – область чистого позитивизма»¹²⁹.

Очевидным является то, что распространение некоторых правовых норм, регулирующие действия, схожие с действиями внутри игрового пространства, является абсурдом (например, применение норм уголовного закона при убийстве одного игрового персонажем другим или же краже снаряжения), но в тоже время существуют отношения, отнесение которых в область правоотношений, уже не кажется столь неразумным. Так, М.А. Рожкова в области ММОГ выделяет три группы отношений: отношения, возникающие между правообладателем игры (оператором игры) и пользователем (игроком), внутриигровые отношения, возникающие между пользователями (игроками), которые регламентированы правилами игры; отношения между пользователем (игроком) и нарушителем при взломе аккаунта и хищении игрового имущества. При этом, по мнению автора, регулированию не должны подвергаться вторая группа отношений – чисто игровые отношения, остальные же должны быть облечены в правовую форму¹³⁰.

Подобного мнения придерживается и Е.А. Останина, говоря, что «собственно игровая деятельность правом регулироваться не должна. Право не

¹²⁹ Архипов, В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Архипов Владислав Владимирович; Санкт-Петербургский Государственный Университет. – Санкт-Петербург, 2019. – 222.

¹³⁰ Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав / М.А. Рожкова // Право цифровой экономики – 2020: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2020. - С. 54.

должно регулировать, как убивать монстров»¹³¹. С критикой теории магического круга выступает и М.М. Скоморох. Однако автор исходит не только из того, что игровые объекты приобретают денежную оценку и качества характерные для блага, но также акцентирует внимание на том, что игра может превращаться в подобие труда и влиять на эмоциональное состояние людей. Это, в свою очередь, стирает пространственные и социальные границы игры и приводит к взаимодействию игрового и реального миров. Таким образом, игра становится частью действительности, а игрок «у которого есть доступ к цифровым объектам, уподобляется магу, заклинающему духов из другого измерения; только в роли магических артефактов выступают технические приспособления»¹³².

Другие сторонники первого подхода обосновывают отсутствие правового эффекта в играх через положения гражданского законодательства об играх и пари, в частности, ст. 1062 ГК РФ, исключающей возможность судебной защиты требований из игр, однако такой подход также подвергается критике.

Е.А. Останина придерживается позиции, согласно которой ст.1062 ГК РФ подлежит к применению в «чисто игровых отношениях» но не в случаях, когда спор возникает из «предоставления или отказа от предоставления услуги потребителю»¹³³.

М.В. Тарасов же указывает на разницу между компьютерной игрой и азартной игрой (которая, по мнению автора, и является объектом ст.1062 ГК РФ), поскольку «отличительной чертой азартных игр от игр компьютерных является наличие денежных ставок, формирующих имущественный фонд, и соглашения о выигрыше». В ММОГ как правило нет имущественного фонда, а игроками не преследуются какие-либо материальные цели. В компьютерной

¹³¹ Останина, Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей / Е.А. Останина // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. - Москва : Статут, 2018. - С. 267.

¹³² Скоморох, М. М. Тамагочи и миф о киберпространстве: к вопросу о магическом круге / М. М. Скоморох // Международный журнал исследований культуры. - 2019. - № 1. - С. 67..

¹³³ Останина, Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей / Е.А. Останина // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. - Москва : Статут, 2018. - С. 283.

игре субъект переживает «опыт потока», т.е. деятельность игрока ориентирована на сам процесс, а не на ее итог¹³⁴.

Как можно заметить ст.1062 ГК РФ не содержит дефиниции «игры», более того в законодательстве определено лишь понятие азартной игры, т.е. на данный момент отсутствует родовое понятие игры. Существенными признаком азартной игры является условие о выигрыше, «который зависит от действий игрока, в отличие от пари, где выигрыш или проигрыш не связан с действиями самих участников пари» и наличие риска». В.В. Архипов в связи с этим пишет, что «право интересуют лишь те игры, которые предполагают возможность выиграть или проиграть, а выигрыш при этом должен носить имущественный характер».

Схожие мысли содержатся и в работах А.И. Савельева, считающего, что в ММОГ «сложно найти то самое соглашение о выигрыше, которое является краеугольным камнем во всем регулировании игр и пари. Пользователя в первую очередь интересуют сам процесс пребывания, общения с другими игроками и прогресс его статуса в виртуальном мире, а достижение персонажем максимальных уровней не влечет остановки игры с последующей выплатой каких-либо призов или дивидендов. Кроме того, в многопользовательских играх, в отличие от карточных игр или спортивных соревнований, отсутствует само понятие выигравшего, а вместе с ним и проигравшего. Можно проиграть конкретную битву, но не всю игру в целом. В связи с этим достаточно сложно считать игроком такого участника игры, который не может проиграть»¹³⁵.

Но, несмотря на подобные доводы, на практике имеются случаи, когда суды применяют положения ст.1062 ГК РФ в спорах, связанных с играми. Так, Московский городской суд оставил без изменения акты нижестоящих судов по спору между игроком и ООО "Геймшок". Исходя из материалов дела, игроком

¹³⁴ Тарасов М.В. Субъекты и объекты гражданских правоотношений в информационно-коммуникационных сетях: проблемы теории и практики Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тарасов Михаил Владимирович; Российская государственная академия интеллектуальной собственности». – Москва, 2015. – С. 143.

¹³⁵ Савельев, А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. - 2014. - № 1. - С. 135

в бесплатной игре были приобретены дополнительные платные сервисы, однако впоследствии разработчик ограничил доступ к данным сервисам в связи с изменением баланса игра. При этом суд установил, что рисковый характер компьютерной игры определён пользовательским соглашением, которое закрепляет, что «пользователь использует игру на собственный страх и риск, игра предоставляется по принципу "как есть", то есть пользователю не предоставляется гарантий, что игра, а также предоставляемые внутри игры возможности, сервисы и услуги будут функционировать бесперебойно, непрерывно, без ошибок»¹³⁶. Но при судом не было установлено наличие или отсутствие условий о выигрыше. Помимо этого, судом также не учтен тот факт, что наступление неблагоприятных последствий для пользователя, ставиться в абсолютную зависимость от воли правообладателя игры. Так, ООО "Геймшок" своими односторонними действиями, направленными на изменение баланса игры, способно изменить положение истца относительно других игроков, тем самым повлиять на вероятность успеха осуществления тех или иных игровых действий истцом. Как кажется, это не соответствует сути рискового характера игры, так как в большинстве случаев риск связан с наступлением или ненаступлением обстоятельств, которые не зависят от воли сторон игры, а если и зависят, то сохраняется высокое влияние внешних факторов. В силу этого, считаем, что ст. 1062 ГК РФ не подлежит применению.

Как мы видим, ни теория магического круга, ни отсылка к положениям об играх не могут быть удовлетворительными способами регулирования отношений в отношении игрового имущества.

Согласно второй позиции на игровое имущество можно распространить положения о вещах, т.е. установить режим абсолютных прав на ликвидные игровые объекты. Однако, в данном случае возникает такая же проблема, как и при характеристике аккаунтов в качестве объектов абсолютных правоотношений, а именно возложение довольно тяжелых обязанностей на

¹³⁶ Определение Московского городского суда от 16.11.2015 N 4г/6-11858/2015 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

разработчиков по поддержанию виртуальных миров в более или менее неизменном состоянии.

Кроме того, игровое имущество, как иные бестелесные вещи, в частности цифровые активы не соответствует общим представлениям о категории вещей, а именно отсутствует существенный признак – материальность. Как верно замечает Е.А. Останина, «у игроков нет права собственности на это имущество, потому что его не существует в реальном мире».¹³⁷ Помимо этого, такое имущество «живет» только в самой игре, но не за ее пределами. Поэтому «физическое, непосредственное обладание предметом виртуального мира не мыслится возможным, а осуществление манипуляций с таким предметом возможно только опосредованно, через проведение определенных кодов, программных команд», ввиду чего отпадает признак господства, в том значении в котором он применяется к вещам¹³⁸.

Следующая концепция сводится к пониманию виртуального имущества как части программы для ЭВМ. Например, Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова правильно замечают, что игровые объекты выступают частью объекта интеллектуальной собственности - игры как программы для ЭВМ¹³⁹. Согласно ст. 1261 ГК РФ под самой программой для ЭВМ понимается представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата. Согласно же позиции Министерства образования и науки РФ (сейчас Министерство науки и высшего образования Российской Федерации) к «электронно-вычислительным машинам относятся любые устройства, способные производить различные вычислительные операции, а любой код, исполняющийся на таких устройствах, является программой для

¹³⁷ Останина, Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей / Е.А. Останина // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. - Москва : Статут, 2018. - С. 261

¹³⁸ Мартынова, Е.Ю. Договоры, опосредующие использование объектов онлайн-игр / Е.Ю. Мартынова // Право цифровой экономики – 2020: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2020. С. 174.

¹³⁹ Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 154 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

ЭВМ вне зависимости от выполняемой функции»¹⁴⁰. Базируясь на таком понимании данной категории, Министерство относило к ЭВМ и многопользовательские компьютерные игры.

Поэтому приобретение за плату или создание ценного игрового имущества, по мнению большинства авторов, укладывается в конструкцию лицензионных договоров. Более того, подобную позицию высказывало Минкомсвязи России в Письме от 29.12.2014 N РИ-П11-23477, в соответствии с которым возможность использования внутриигровых объектов в онлайн-играх осуществляется путем предоставления права использования кода, являющегося частью соответствующей программы для ЭВМ на основе лицензионных договоров¹⁴¹.

Также Верховный суд РФ в 2015 году признал, что игра суть программа для ЭВМ и передается она игроку на основании лицензии, но при этом ВС РФ уточнил, что использование дополнительных платных возможностей игры основывается уже не на лицензионном соглашении, а на договоре об оказании услуг. Свою позицию ВС РФ обосновал следующим: платный контент является составной частью программы для ЭВМ, поскольку он не существует самостоятельно, то его нельзя рассматривать и юридически как самостоятельный объект лицензионного договора. «Отдельные командные данные и программные коды, которые входят в состав программы для ЭВМ, не функционируют отдельно и не могут использоваться вне этого программного продукта, также не могут являться самостоятельным результатом интеллектуальной деятельности и самостоятельным объектом прав на программу для ЭВМ как в целом, так и в части, и не могут быть отдельным объектом лицензирования, т.к. это искажает правовую природу лицензионного договора». Поэтому целесообразно квалифицировать отношения по

¹⁴⁰ О рассмотрении обращения: Письмо Минкомсвязи России от 29.12.2014 N РИ-П11-23477 КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 28.03.2022).

¹⁴¹ О разъяснении норм законодательства об интеллектуальной собственности: Письмо Минобрнауки России от 28.08.2014 N ЛО-1276/14 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 28.03.2022).

предоставлению платного контента как услугу - действия по обеспечению работы такого дополнительного функционала игры. В силу этого, исходя из позиции судебных органов, отношения по поводу ММОГ основываются на смешанном договоре, включающем в себя как положения лицензионных соглашений, так и соглашений об оказании услуг¹⁴².

Подобный практический подход согласуется и с доктриной. Так, Е.А. Останина считает, что отношения по поводу игрового имущества ближе всего к договору возмездного оказания услуг, так как «деятельность разработчика не имеет овеществленного результата, а полезный эффект этой деятельности неотделим от самой деятельности¹⁴³.

М.А. Рожкова высказывает подобную точку зрения, говоря, что «все то, что возможно и что не противно закону, может быть предметом обязательства», а, заключая соглашения, пользователь ММОГ «вступает в договорные отношения с правообладателем оператором игры, который принимает на себя обязательство предоставлять игроку доступ к функционалу своего информационного продукта в целом, включая возможность приобретать, пользоваться и распоряжаться игровым имуществом в соответствии с правилами игры. И таким образом правообладатель онлайн-игры становится исполнителем по договору возмездного оказания услуг, а игрок – заказчиком», следовательно, «возможность приобретать, пользоваться и распоряжаться игровым имуществом в рамках многопользовательской онлайн-игры представляет собой правомочие пользователя как кредитора по договорному обязательству»¹⁴⁴.

В свою очередь Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна считают, что «квалификация отношений по приобретению виртуальных объектов как одного

¹⁴² Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2016 N 305-КГ15-18998 по делу N А40-56211/2014 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

¹⁴³ Останина, Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей / Е.А. Останина // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. - Москва : Статут, 2018. - С. 266.

¹⁴⁴ Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав / М.А. Рожкова // Право цифровой экономики – 2020: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2020. - С. 60.

из видов услуг обусловлена, тем, что действия пользователя по приобретению "игрового имущества" имеют целью улучшение условий использования того или иного программного продукта и не могут существовать вне его»¹⁴⁵. Возмездная передача этих объектов между пользователями также может расцениваться как соответствующая услуга.

На наш взгляд, безусловно, виртуальное имущество представляет собой часть самой игры т.е. часть программы для ЭВМ, использование которой основывается на лицензионном соглашении с конечным пользователем. Однако, некоторые части программы для ЭВМ могут быть не доступны для использования всем игрокам (за исключением аудио-визуального отображения игрового имущества, которое находится у других игроков). Так, например, соглашение с Lesta об использовании её продуктов, содержит положение о неактивированных данных и командах, права на которые предоставляются при условии внесения пользователем «доната», установленного правообладателем¹⁴⁶. Однако, думается, что обеспечение доступа к новому контенту за плату не является лицензионным соглашением. В силу того, что программный код конкретного игрового объекта уже содержится в самой игре, так как, не имея в собственном распоряжении конкретный объект, игрок может наблюдать его аудиовизуальную и функциональную составляющие у других игроков. Получение же объекта за дополнительную плату является результатом действий правообладателя по обеспечению возможности использовать определенный программный код игроком. Данная конструкция схожа с моделью оказания услуг: выполнение за плату определённых действий или деятельности.

В связи с этим, можно согласиться со складывающейся практикой и доктриной в том, что регулирование отношений, связанных с виртуальным игровым имуществом строится на обязанности разработчика обеспечивать

¹⁴⁵ Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 304 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

¹⁴⁶ <https://legal.ru.wargaming.net/>

доступ к таким объектам, применяя при этом положения об результатах интеллектуальной деятельности и норм о возмездном оказании услуг.

Заключение

В рамках данной работы были освещены подходы к пониманию категории «бестелесных вещей». Мы проследили эволюцию учений о бестелесных вещах, начиная от римского юриста Гая до современных представителей цивилистики. И в ходе данного исследования было установлено, что единого понимания бестелесных вещей не сложилось: подходы варьируются от понимания бестелесных вещей как всей совокупности объектов, не являющихся вещами, до признания в качестве таковых обязательств с целью установления на них нового абсолютного права.

Кроме того, в рамках первой главы данной работы, мы обнаружили, что до современного этапа развития права, большинство теорий о бестелесных вещах содержат в себе, свойственную еще римскому праву «антитезу» между материальной вещью и всеми иными объектами, перечень которых значительно расширился со времен Гая. И уже на современном этапе теории начали основываться не на противопоставлении материи и идеи, а на желании применить к идее, базовые правовые положения о материи (т.е. признать за нематериальными объектами правовые свойства вещей, в частности возможность абсолютного господства и защиты от неопределённого круга лиц).

На основе имеющихся концепций мы сделали вывод о том, что под бестелесными вещами можно понимать объекты, обладающие экономической ценностью, способные удовлетворять потребности общества, а в связи с этим пригодные для гражданского оборота, не только обладающие нематериальностью, но и не нуждающиеся в закреплении в материальных носителях, что в свою очередь обуславливает особенности форм юридической привязки.

Однако, выделив понятие бестелесных вещей, мы также приходим к пониманию того, что в выделении последних в качестве самостоятельной группы объектов права нет необходимости.

Далее мы акцентируем внимание на том, что теории о бестелесных вещах под влиянием технического и социального прогресса трансформируются в теории о цифровых активах. Под последними мы стали понимать: представленные в цифровой форме непотребляемые, неистощаемые объекты, воспринимаемые человеком и воспринимающие воздействие со стороны человека посредством использования технических средств, служащие для удовлетворения каких-либо потребностей субъектов права, а, следовательно, представляющие реальную или потенциальную ценность.

Однако и данным объектам свойственны недостатки «бестелесных вещей» к которым относятся: отсутствие единого понимания данных явлений, необоснованное желание публицистов установить абсолютное права подобное вещному и чрезмерный широкий круг объектов, которые в доктрине причисляют к виртуальному имуществу.

Изучив некоторые разновидности цифровых активов мы установили, что зачастую сходство между ними обусловлено лишь цифровой формой выражения, отсутствием необходимости материализации в реальном мире и вытекающими из этого характеристиками. Также мы увидели, что регулирование конкретных объектов, относимых к цифровым активам, различается: одни напрямую отнесены к цифровым правам (криптовалюты и токены), другие представляют собой совокупность разных объектов права (аккаунты), третьи же можно подвести под уже имеющиеся правовые конструкции результата интеллектуальной деятельности и услуг.

Но не смотря на это, на наш взгляд, разумеется имеются объекты, правовой статус которых ещё не до конца определён или вовсе не установлен, в частности необходим дальнейший анализ правовой природы уже рассмотренных нами объектов.

В тоже время мы считаем, что нет необходимости формирования нового родового объекта – виртуального имущества, так как, следует согласится с Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселовой в том, что является заблуждением та мысль, согласно которой любую проблему, возникающую в обществе, можно решить изменением закона либо принятием нового, для устранения пробелов в правовом регулировании сперва необходим детальный анализ новых явлений и сопоставление с объектами, которые признаны или изъяты из правового поля *ex lege* и только после того, как будет установлена невозможность применения разработанных конструкций, необходимо задумываться о формировании новых объектов права.

Список источников

Нормативные акты

1) Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации в 4 ч. Ч 1 : Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ : редакция от 25.02.2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.02.2022).

2) Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации в 4 ч. Ч 2 : Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ : редакция от 25.02.2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.02.2022).

3) Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации в 4 ч. Ч 4 : Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ : редакция от 25.02.2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.02.2022).

4) Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ: редакция от 30.12.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022).

5) Российская Федерация. Законы. О связи : Федеральный закон от 07.07.2003 N 126-ФЗ: редакция от 30.12.2021// КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022).

6) Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности": Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 374-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.03.2022).

7) Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 06.07.2016 N 375-ФЗ: // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 28.03.2022).

8) Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ: // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 23.03.2022).

9) Российская Федерация. Законы. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1: редакция от 01.07.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.03.2022).

10) Российская Федерация. Постановление Правительства. Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования: Постановление Правительства РФ от 12.02.2020 № 127 : ред. от 17.12.2021 //

КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 22.03.2022).

11) Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ: утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 N 2011-18/81 : ред. от 16.07.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.03.2022).

12) О рассмотрении обращения: Письмо Минкомсвязи России от 29.12.2014 N РИ-П11-23477 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 28.03.2022).

13) О разъяснении норм законодательства об интеллектуальной собственности: Письмо Минобрнауки России от 28.08.2014 N ЛО-1276/14 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 28.03.2022).

Специальная литература

1) Агарков, М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков: Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – С. 192. - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

2) Архипов, В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Архипов Владислав Владимирович; Санкт-Петербургский Государственный Университет. – Санкт-Петербург, 2019. – 425 с.

3) Байбак, В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Байбак Всеволод

Владимирович; Санкт-Петербургский Государственный Университет. – Санкт-Петербург, 2004. – 201 с.

4) Белов, В. А. Гражданское право в 4 т. Т. 2. / В. А. Белов. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 622 с. — ISBN 978-5-534-08149-7.

5) Белов, В.А. Digital Private Law & Rights: размышления о преобразованиях, уже произведенных в частном праве развитием глобальной компьютерной сети Интернет, и о реформах, его скоро и неминуемо по той же причине ожидающих / В.А. Белов // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2018. С. 256-311

6) Беспалов, Ю. Ф. Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации : монография / Ю. Ф. Беспалов. – Москва : Проспект, 2019. – 448 с. - ISBN 978-5-392-31015-9

7) Быстров, А. К. Интернет-сайт и доменное имя как объекты гражданских прав в системе отношений по использованию сети Интернет: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Быстров Арте Константинович; Российская государственная академия интеллектуальной собственности». – Москва, 2016. – 255 с.

8) Гай. Институции /Под ред. В.А.Савельева, Л. Кофанова. — М.: Юристъ, 1997. — 368 с. - ISBN 5-7357-0192-4

9) Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю.С Гамбаров - Москва, 1898. – С. 766 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

10) Гапанович, А.В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях / А.В. Гапанович // Наследственное право. - 2020. – № 2. - С. 40 - 43.

11) Гримм, Д. Д. К учению об объектах прав / Д.Д. Гримм // Вестник гражданского права. - 2007. - № 1. - С. 197–239.

12) Гримм, Д. Д. Лекции по догме римского права : учебник / Д. Д. Гримм ; под ред. В. А. Томсинова. - Москва : Издательство "Зерцало", 2015. - 496 с. - ISBN 978-5-94373-293-5.

13) Гринь, Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт /Е.С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - № 2. - С. 128 - 134.

14) Дейнеко, А.Г. Право киберпространства: PRO ET CONTRA / А.Г. Дейнеко // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2018. С. 246-256

15) Дождев, Д. В. Римское частное право : учебник / Д.В. Дождев ; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. — 784 с. - ISBN 978-5-91768-506-9.

16) Ефимова, Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права /Л.Г. Ефимова // Хозяйство и право. - 2019. - N 4. - С. 17 - 25.

17) Иоффе, О.С. Основы римского гражданского права / О.С. Иоффе, В.А. Мусин. - Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1975. – С. 156 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

18) Исакова, В.С. "Суверенный Рунет" и "Великий китайский файрвол": сравнительно-правовой анализ / В.С. Исакова // Государственная власть и местное самоуправление. - 2022. - № 2. - С. 57 - 60.

19) Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Карцхия Александр Амиранович; Российская Государственная Академия Интеллектуальной Собственности. – Москва, 2019. – 394 с.

20) Кирсанова Е.Е. Аккаунт как объект гражданских прав / Е.Е. Кирсанова // Вестник арбитражной практики. - 2020. - № 2. - С. 44 - 48.

21) Кожемякин, Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: монография /Д.В. Кожемякин. - Москва : Проспект, 2019. - 152 с. - ISBN 978-5-392-27182-5

22) Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. В 3 ч. Ч. 1 / К.П. Победоносцев - Москва: «Статут», 2002. – С. 800. - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

23) Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Лапач Владимир Александрович. – Ростов-на-Дону, 2002. – 537 с.

24) Латыев, А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Латыев Александр Николаевич; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – 175 с.

25) Лисаченко, А.В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав / А.В. Лисаченко // Российский юридический журнал. - 2014. - № 2. - С. 104 - 110.

26) Мартыанова, Е.Ю. Договоры, опосредующие использование объектов онлайн-игр / Е.Ю. Мартыанова // Право цифровой экономики – 2020: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2020. С. 164-188.

27) Мейер, Д.И Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. / Д.И Мейер - Москва: Статут, 1997. – С. 290. - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

28) Метягин, К.С. Правовая природа страницы социальной сети / К.С.Метягин – Гарант.ru : [сайт]. – 2015. – 16 сентября - URL: <https://www.garant.ru/>

29) Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мефодьева Кристина Александровна; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2019. – 300 с.

30) Мурзин, Д. В. Ценные бумаги - бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг / Д. В. Мурзин. - Москва : Статут, 1998. – С. 176 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

31) Новицкий, И. Б. Римское частное право : учебник для бакалавров и магистров / Под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерский. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 607 с. — ISBN 978-5-9916-3710-7.

32) Новоселова, Л. А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах / Л. А. Новоселова, О.А. Полежаев // Закон. - 2020. - N 11. - С. 165 - 172.

33) Новоселова, Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Л.А. Новоселова, Б.М. Гонгало // Пермский юридический альманах. – 2019. – №2. – С. 179-192.

34) Останина, Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей / Е.А. Останина // Право в сфере Интернета: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. Москва : Статут, 2018. С. 256-311

35) Райхер, В.К. Гражданско-правовые системы антагонистических формаций. / В.К. Райхер // Вестник гражданского права. - 2007. - № 4. - 141-176

36) Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав / М.А. Рожкова // Право цифровой экономики – 2020: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2020. С. 5-79.

37) Рожкова, М.А. Виртуальное имущество и многопользовательская онлайн-игра – как различать возникающие по их поводу отношения? / М.А.Рожкова - Закон.ru : [сайт]. - 2020. - 6 декабря - URL: <https://zakon.ru>

38) Рожкова, М.А. Доменное имя – это объект гражданских прав? / Is a domain name an object of civil rights? / М.А.Рожкова - Закон.ru : [сайт]. – 2022. - 1 марта - URL: <https://zakon.ru>

39) Саватье, Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. / Р. Саватье - Москва: Прогресс, 1972. – С. 440 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

40) Савельев, А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. - 2014. - № 1. - С. 127 - 150.

41) Саженов, А.В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве / А.В. Саженов // Закон. - 2018.- № 9. - С. 106 - 121.

42) Санникова, Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография. / Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. - Москва: 4 Принт, 2020. – С. 304 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

43) Сарбаш, С.В. Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» / С.В. Сарбаш – Привло.ru : [сайт]. - 2019. – 17 января - URL: <http://privlaw.ru>

44) Семилютина, Н.Г. Дополнения Н.Г. Семилютиной к Замечаниям С.В.Сарбаша касательно проекта ФЗ о «цифровых правах»/ Н.Г. Семилютина-Закон.ru : [сайт]. - 2018. - 27 апреля - URL: <https://zakon.ru>

45) Скловский, К.И. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость / К.И. Скловский, В.С. Костко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. № 7. - С 115 – 143

46) Скоморох, М. М. Тамагочи и миф о киберпространстве: к вопросу о магическом круге/ М. М. Скоморох // Международный журнал исследований культуры. - 2019. - № 1. - С. 62-72.

47) Суханов, Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Суханов Е.А.. — Москва : Статут, 2017. — 560 с. — ISBN 978-5-8354-1320-1.

48) Тарасов М.В. Субъекты и объекты гражданских правоотношений в информационно-коммуникационных сетях: проблемы теории и практики Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тарасов Михаил Владимирович; Российская государственная академия интеллектуальной собственности». — Москва, 2015. — 209 с.

49) Трубецкой, Е.Н. Лекции по энциклопедии права / Е.Н. Трубецкой — Москва: Типография Императорского Московского Университета – 1909. – С. 214 - - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

50) Туктаров, Ю.Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) / Ю.Е. Туктаров // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. – Москва : Статут, 2007. С. 113-142

51) Федотов, Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : Специальность 12.00.03. «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федотов Дмитрий Витальевич ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2012. – 214 с.

52) Федотов, М. А. Доклад профессора / М.А. Федотов // Актуальные проблемы информационного права : материалы круглого стола / ИМПЭ. — Москва, 2000. - С. 17-26

53) Хвостов, В. М. Система римского права / В. М. Хвостов. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 540 с. — ISBN 978-5-534-10474-5

54) Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Спарк, 1995. – С. 450 - URL: <http://civil.consultant.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).

Судебная практика

1) "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10// КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

2) Постановление Президиума ВАС РФ от 16.01.2001 N 1192/00 по делу N А40-25314/99-15-271 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

3) Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2016 N 305-КГ15-18998 по делу N А40-56211/2014 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

4) Определение Московского городского суда от 16.11.2015 N 4Г/6-11858/2015 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

5) Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области от 12 июля 2016 года по Делу № 2-662/2016 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический
институт
Гражданского права
кафедра

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Н.Ф. Качур
подпись инициалы, фамилия
«25» мая 2022г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 Юриспруденция
код – наименование направления

Категория «бестелесных вещей» в гражданском праве

тема

Руководитель

И.С. Богданова
подпись, дата

доцент, к.ю.н.

должность, ученая степень

И.С. Богданова
инициалы, фамилия

Выпускник

Д.А. Гусев
подпись, дата

Д.А. Гусев
инициалы, фамилия

Красноярск 2022